

Елена Обоймина

Рудольф
Нуреев

Я умру
полубогом!

Елена Обоймина

**Рудольф Нуреев.
Я умру полубогом!**

«Алгоритм»

2016

УДК 793.3.071.2(470)
ББК 85.335.42(2)-8

Обоймина Е. Н.

Рудольф Нуреев. Я умру полубогом! / Е. Н. Обоймина —
«Алгоритм», 2016

Блистательный танцовщик и гениальный балетмейстер, он завоевал скандальную известность как советский невозвращенец и человек с нетрадиционным взглядом на отношения. «Он хотел стать полубогом, и этот полубог, созданный сперва его фантазией, материализовался и стал управлять его поступками и устремлениями», – скажет о Нурееве подруга его юности Тамара Закржевская. Имя Рудольфа Нуреева гремело на весь мир. Он безмерно много сделал для мирового балета, прославив русскую школу танца на всю планету. Он воспитал лучших зарубежных солистов. Но за свою славу мэтр заплатил страшную цену: забвение на родине, одиночество, предательство, автокатастрофа, СПИД... В его постель биографы «укладывали» многих знаменитостей: Микка Джаггера, Леонарда Бернстайна, Ива Сен-Лорана, Фредди Меркьюри, других. Биография гениального танцовщика после того, как он покинул этот мир, стала обрастать вымыслами и откровенно подтасованными фактами, разоблачить которые взялась автор этой книги.

УДК 793.3.071.2(470)
ББК 85.335.42(2)-8

© Обоймина Е. Н., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

От автора	6
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Обоймина

Рудольф Нуреев. Я умру полубогом!

© Обоймина Е., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

...Он был человеком, который сжигал себя в профессии, в сокрушительном юморе, сбивающем с толку собеседника, в любви к своему искусству и к жизни, в которую он вбивался зубами с такой яростью, что умер от этой любви.

Ролан Пети, французский хореограф

От автора Вместо предисловия

У этой книги небезыңтересная и, до недавнего времени, печальная судьба. Так случилось, что еще в первоначальном своем варианте она явилась первой книгой о Рудольфе Нурееве, написанной российским автором (не считая, конечно, сборника воспоминаний сокурсников великого танцовщика. Но это совсем другое).

«О ком будет ваша следующая рукопись для нас?» – спросили меня в одном из московских издательств, где уже вышли и с успехом нашли свою дорогу к читателям несколько моих книг в жанре биографической прозы.

Увы, ни к Инессе Арманд, ни к Елене Блаватской, предложенным на выбор в качестве героинь будущей книги, моя авторская душа почему-то не лежала.

«Ну тогда выберите сами, о ком бы вы хотели написать...» – обескураженно ответили в издательстве.

«А что, если... если о Рудольфе Нурееве?»

«Блестяще! Это то, что нужно сегодня!»

«Я танцую для собственного удовольствия. Если вы пытаетесь доставить удовольствие всем это не оригинально». (Рудольф Нуреев)

В этом я также не сомневалась. К тому времени в России было издано несколько переводных книг о Нурееве. Будем благодарны авторам, которые провели немалую работу перед их написанием и прежде всего лично встречались с друзьями Рудольфа и его коллегами. Хорошо что у них была такая возможность, эти записанные свидетельства имеют огромную ценность для нас! И тем не менее книги эти, написанные людьми, как правило, далекими и от искусства балета, и от реальной обстановки в СССР, наполнены множеством забавных ляпов, фактиче-

ских подтасовок и порой – заведомой, плохо прикрытой ложью. С точки зрения этих сочинителей, все зарубежные партнерши Рудольфа имели равный ему исполнительский уровень и тянули не иначе как на великих балерин, что совершенно не соответствовало действительности. Все это усугублялось небрежными переводами, авторы которых, будучи не в курсе известных имен в мире балета, на ходу меняли пол персонажей книг, превращая балерин в танцовщиков и наоборот, путались в балетной терминологии и персонажах спектаклей. Настало время, думалось мне, несколько очистить образ нашего знаменитого соотечественника от этой досадной шелухи; на основе воспоминаний хорошо знавших его людей, доверяя киноленте и своим глазам, поведать миру, каким человеком был все-таки Рудольф Нуреев и, главное, каким он был Артистом.

Со мной был заключен авторский договор, и я приступила к работе. Примерно через год рукопись была готова, сдана в издательство и получила одобрение редакции. Казалось, книга, которую уже ждали читатели, очень скоро выйдет в свет, но... Издатели решили получить под нее грант Федеральной программы «Культура России». Рукопись отправили в Федеральное агентство по печати для решения этого вопроса. Пока проходили месяцы ожидания, книга была сверстана и полностью подготовлена к отправке в типографию. А когда надежды на грант не оправдались, у издательства вдруг не оказалось необходимых средств для ее выхода: книжный кризис повсюду гулял по стране...

Время не работало на нас: вскоре мы узнали, что другое издательство выпустило свою книгу о Рудольфе. Она-то и стала по факту выхода первой от российского автора... Просто написанная и легко читаемая, книга эта не претендует на глубину изложения и основательное знание темы. В отличие от очередной переводной, вышедшей позднее в крупном издательском доме столицы, – пожалуй, надо признать, действительно лучшей книги о Нурееве в переводе, выпущенной в России. В сравнении с предыдущими шедеврами зарубежных авторов книга французской журналистки казалась глотком свежего воздуха. На обороте ее титула значилось: *«Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».*

Так вот на что пошел грант российского агентства по печати и вот почему им не удостоена работа своего, отечественного автора!

Какой горькой ни казалась бы эта история, нельзя было не понимать: «Полет одинокого гения» рано или поздно все-таки придет к читателям! Пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность издательству «Алгоритм» и всем его сотрудникам за то, что эта книга вышла в свет. Спасибо моим близким и верным друзьям, которые поддерживали автора в этот нелегкий период и вместе с ним не теряли надежды на то, что она будет издана!

А теперь позвольте вернуться к нашему герою.

В конце 1980-х кинорежиссер, директор кинокомпании «Мирикс» Виктор Бочаров задумал серию фильмов «Апостолы русского балета». В его планы входило собрать воедино сохранившиеся видеозаписи русских балетных звезд двадцатого века, а также запечатлеть беседы с ныне живущими прославленными исполнителями. Проект находился уже в работе, когда съемочной группе кинокомпании, и не мечтавшей о такой удаче, удалось не только лично пообщаться с Рудольфом Нуреевым, но и побывать в его доме на островах Галли близ Италии. Приятельница Нуреева со времен его юности, физик Любовь Мясникова, в девичестве Романкова, помогла договориться с Рудольфом о встрече. И вот после телефонного общения старых друзей в августе 1992 года состоялась встреча легендарного Нуреева с русскими документалистами.

Острова Галли, где он в то время обосновался (сорок минут морем от Капри), оказались местом чрезвычайно живописным. Эти три острова, обрамленные высокими скалистыми берегами, в 1920-е годы приобрел другой русский танцовщик и балетмейстер – Леонид Мясин. Все здесь было построено по его чертежам, в том числе и дом, где в дальнейшем поселился Нуреев. Вспомним высшую награду, обещанную доблестным Дон Кихотом верному оруженосцу Санчо

Пансе: когда-нибудь, после битв и сражений, ты получишь остров и станешь там королем, живя мирно вдали от суеты и шума...

Если точнее, домов на острове было три. Поговаривали, Рудольф еще в начале 1980-х выкупил их вместе с островами у наследников Мясина (называлась сумма в сорок миллионов долларов!). Он отреставрировал эти дома, располагавшиеся на горном склоне один над другим, и над самым верхним построил давно задуманную балетную студию.

Пол и стены в этом поместье были отделаны керамической плиткой, расписанной также по эскизам талантливого Мясина. Даже сиденья и спинки садовой мебели оказались выполненными из керамики. Нуреев то и дело поговаривал о реставрации этой оригинальной мебели.

Были у Рудольфа и другие, далеко идущие планы. На острове находилась четырехэтажная башня, которую Нуреев как раз приводил в порядок. По его замыслу там должна была расположиться хореографическая школа. На каждом этаже этой башни предполагались классы и жилые комнаты для студентов. В будущем, как планировал Нуреев, сюда будут приезжать на стажировку молодые исполнители из разных стран. Великий танцовщик не собирался изменять своему жизнелюбию: он хотел жить и работать дальше!

...При первом же взгляде на Рудольфа Виктор Бочаров с горечью осознал: ни о каких съемках ни сегодня, ни в будущем серьезно говорить уже не придется. Внешний вид Нуреева свидетельствовал о необратимом ходе жестокой болезни: иссушенное лицо и тело – ничего общего с прежними фотографиями и кинозаписями! Но особенно потрясли киношников ноги танцовщика, точнее, его ступни. Чудовищно деформированные благодаря титаническому каждодневному труду, они лишь слабо напоминали человеческие конечности...

«Солнце в крови!» – говорили о Нурееве еще в 1958 году после его выступления в дуэте с Аллой Сизовой на Всесоюзном конкурсе артистов балета. Это был самый настоящий триумф! Триумф юного Рудика Нуреева, его педагога – Александра Пушкина, тезки великого поэта, триумф Ленинградской балетной школы... Солнечный человек, Рудольф в конце своих дней обращал немалые надежды на исцеление к солнцу. Да и как могло быть иначе, если принимать во внимание происхождение его фамилии: она появилась благодаря деду танцовщика, которого звали Нур. В переводе с башкирского – *солнечный свет*...

Съемочной бригаде Бочарова довелось наблюдать шокирующую сцену: после обеда, когда солнце стояло в зените и термометр буквально зашкаливал (+40–45 градусов!), Рудольф улегся позагорать на придомовой террасе. Его прикрывала от палящих лучей только книга известного российского балетоведа Веры Красовской. Такое было сложно выдержать и здоровому человеку... Как позже выяснилось, Нуреев был уверен: вылечить его предстояло именно солнцу!

Проявив редкую для их профессии деликатность и оставив хозяина отдыхать, киношники решили искупаться в бухте. Удовольствие от теплых прибрежных вод вскоре прервала другая картина: они вновь увидели Нуреева, который медленно спускался к морю по горной тропинке. Удивляться опять было чему: великий танцовщик предстал перед гостями в первозданной наготе!

Вскоре они поняли сокровенный смысл этого «торжественного выхода». Вокруг острова стояло множество яхт: в любопытных, желающих понаблюдать за приватной жизнью Нуреева, недостатка никогда не было. Танцовщик, недовольный таким «подсматриванием в окна», даже выступал с протестами в итальянской прессе, но все оказалось бесполезным. «Так что в этом «явлении народу» мы усмотрели своего рода вызов: хотите за мной наблюдать, так получайте уже все!» – рассказывал Виктор Бочаров.

По воскресеньям плавать вокруг острова оказалось невозможно: периметром всего лишь в 2–3 километра, он был окружен, будто рифами, самыми разнообразными лодками, парусниками и кораблями. Иногда с террасы, находящейся на вершине острова, раздавался призыв:

«Рудольф, Рудольф!» И тогда Руди величественно показывался на парاپете и махал рукой многочисленным почитателям, а потом вновь углублялся в свои размышления.

Очевидцы свидетельствуют: в этот последний период жизни Нуреев чаще всего был неразговорчив; взгляд его, направленный вдаль, на линию горизонта, словно бы проходил сквозь человека, стоящего перед ним. Когда столько пройдено, есть что вспомнить...

Глава 1

Детские годы

...Вечный странник, он появился на свет в дороге: в транссибирском экспрессе, увозившем семью военнослужащего Хамета Нуреева по направлению к Владивостоку. Мать, Фарида, вместе с детьми ехала к месту службы своего мужа, политрука Советской Армии. Конечно же, Хамет мечтал о сыне: в его семействе уже было три девочки. Младшей из них, десятилетней Розе, довелось принимать роды в поезде. Произошло это 17 марта 1938 года.

«17 марта 1938 года в поезде на пути к станции Раздольное Приморского края, недалеко от Иркутска, родился Рудольф Нуреев... Вот так на берегах Байкала появился на свет будущий виртуоз, звезда, актер, хореограф и руководитель оркестра, миллиардер, гений и изгой Рудольф Нуреев...»

Такие путаные сведения об этом событии приходится порой встречать в биографических справочниках. Они явно нуждаются в пояснении. В Приморском крае действительно существует станция Раздольное возле одноименного поселка, только находится она в близком соседстве не с Иркутском и тем более не с Байкалом, до которых отсюда несколько суток пути на поезде, а с городом Уссурийском. По совпадению недалеко от Иркутска тоже есть станция с таким же названием – Раздольное. Именно возле нее в поезде, следующем во Владивосток, по мнению некоторых биографов, и родился «будущий виртуоз», т. е. знаменитый танцовщик Рудольф Нуреев. Впрочем, он сам внес некоторую путаницу в историю своего рождения.

Самому Рудольфу очень нравился этот факт его биографии, он охотно о нем рассказывал, объясняя таким образом свое стремление к путешествиям по всему свету:

«Я действительно родился в поезде 17 марта 1938 г. И хотя в первые годы я еще не осознавал себя, мне приятно думать о моем рождении. Как танцовщику лирического и романтического плана мне доставляет удовольствие думать, что само мое появление на свет было уже некоторым предзнаменованием. Я всегда думаю о своем рождении как о самом романтическом событии в своей жизни.

В тот момент, когда я родился, поезд стремительно мчался вдоль берегов Байкала, недалеко от Иркутска. Мать моя ехала во Владивосток, где должна была встретиться с моим отцом. Его я почти не видел едва ли не до самого конца войны. В то время он служил во Владивостоке политруком. Это солдат, обучающий других солдат истории России, истории революции и коммунистической партии. Он был назначен в артиллерийский батальон и до того, как началась война, нашей семье было суждено зависеть от перемещений этого батальона»¹.

Из материалов Центрального архива Министерства обороны РФ выясняется, что в 1937 году Хамет Нуреев был призван из запаса в Красную Армию и назначен политруком батареи в Уральском военном округе. В январе 1938 года его направили к новому месту службы на Дальний Восток, в 32-й легко-артиллерийский полк. Семья отправилась следом за ним, что и определило место рождения маленького Рудика.

– Роза, – шепнула Фарида старшей дочери, – когда будет станция, беги, отправь телеграмму отцу. Пусть поскорее узнает, что у него родился сын!

¹ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

Телеграмму счастливому Хамету Нурееву отправили, по некоторым данным, из Иркутска. Есть любопытные сведения о том, что рождение его сына было зарегистрировано только через восемнадцать дней, 4 апреля 1938 года, на... станции Раздольное.

Ехать до самого Владивостока семье Нуреевых не было бы необходимости, если бы поезд делал остановку в Раздольном. Именно здесь располагались воинские части, где проходил службу Хамет Нуреев. Основательные казармы из красного кирпича, построенные в Раздольном еще до Первой мировой (тут служил и знаменитый Семен Буденный), до сих пор стоят в запустении после перестроечной неразберихи, глядя на мир пустыми бойницами окон.

Автору одной из зарубежных биографий танцовщика, французской журналистке Ариан Дольфюс, довелось держать в руках его свидетельство о рождении. В нем указано, что Рудольф появился на свет 17 марта 1938 года в поселке Раздольное в сотне километров от Владивостока. Любопытно и то, что в его советском паспорте в графе «Место рождения» значилась уже Луганская область. В первом своем прошении вида на жительство, поданном во Франции в июне 1961-го, Рудольф так же указал местом своего рождения Луганскую область. Во втором прошении, написанном через пять дней после первого, местом рождения значится уже Раздольное.

Сестры будущего танцовщика носили звучные и экстравагантные имена: Роза, Розида и Лилия. Рудольфом, тоже вполне в духе бразильских сериалов, о которых в те времена еще не подозревали, назвали и родившегося мальчика. Чем были вызваны такие странные пристрастия к иностранным именам в этой татарской семье? Спустя годы это попытается объяснить сам Нуреев: «В их именах объяснение, почему меня называли Рудольфом... Мои родители всегда питали пристрастие к сильным, звучным, музыкальным именам».

В этом сомневаться не приходится. Ведь и отца, Нуреева-старшего, от рождения звали Мухаммедом Фазлиевым, и лишь впоследствии он сам изменил свое имя на более звучное – Хамет Нуриев (Нуреев). Фамилию Мухаммеду-Хамету дали по имени его отца, которого звали Нуром. Родственники Нуреевых и сейчас носят фамилию Фазлиевы.

Что касается разночтений в написании фамилии, то они вполне объяснимы. В этой книге мы будем придерживаться того написания, которое значилось в паспорте и других документах Рудольфа: Нуреев. Он и сам неоднократно подчеркивал, что правильное написание его фамилии именно такое. Вариант «Нуриев», встречаемый в цитатах, широко распространен и в принципе не является ошибочным – такое написание широко утвердилось после того, как имя танцовщика стало известным во всем мире.

«Меня очень расстраивает, когда я читаю «Нуриев», – признается одна из старых поклонниц Рудольфа. – Никогда – ни в программах, ни в афишах, ни в документах – фамилия Рудольфа так не писалась. Он всегда был Нуреев. Может быть, это пошло от того, что на слуху было имя первого секретаря Башкирского обкома партии, потом члена ЦК КПСС Зии Нуриева. На Западе принято было писать «Nureyev» – к нам фамилия вернулась как бы в обратном переводе, но и в английском варианте она произносится как «Нуреев».

Попутно следует заметить, что упомянутый секретарь Башкирского обкома партии, член ЦК КПСС Зия Нуриев – только однофамилец Рудольфа и не имеет ни малейшего отношения к его семье. Как и в других случаях, имя великого танцовщика обросло здесь самыми невероятными народными легендами, не имеющими ничего общего с действительностью.

* * *

«Когда Фарида с детьми вышли из поезда во Владивостоке, Хамет встречал их на вокзале, в огромном мраморном здании XIX века на берегу гавани», – пишет Диана Солуэй в своей книге о Рудольфе Нурееве².

Рудольф Нуреев с матерью. 1941 г.

«Мать моя родилась в прекрасном древнем городе Казани. Мы мусульмане. Отец родился в небольшой деревушке около Уфы, столицы республики Башкирии. Таким образом, с обеих сторон наша родня – это татары и башкиры» (Рудольф Нуреев)

Эта фраза не может не вызвать улыбки. Безусловно, железнодорожный вокзал Владивостока, заложенный еще будущим императором Николаем II, по праву считается одним из красивейших зданий города у моря. Но он никогда не был ни огромным, ни мраморным. Построенное поначалу одноэтажным, каменное здание вокзала обрело второй этаж лишь после реконструкции в XX веке. Здание отнесено к историческим памятникам, а художественная

² Солуэй Д. «Рудольф Нуреев на сцене и в жизни. Превратности судьбы» / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2000.

его ценность состоит в том, что оно представляет собой сохранившееся в первозданном виде произведение архитектуры начала XX века. Впрочем, не суть важно. Главное, чтобы было красиво...

В Раздольном Приморского края маленький Рудик провел первые шестнадцать месяцев своей жизни, утверждает Диана Солуэй. Но известно, что на Дальнем Востоке семья Хамета Нуреева прожила еще меньше. Через год после приезда жены и детей, в марте 1939-го, он подал рапорт комиссару части с просьбой о переводе в Киев для лечения от глухоты дочери Лилии. Просьбу уважили: Хамет Нуреев был в армии на хорошем счету; в августе 1938-го взвод, которым он командовал, участвовал в боях у озера Хасан. В июне 1939 года Х.Ф. Нуреева перевели в Москву, и Фарида и четверо ее детей, теперь уже с главой семейства, вновь отправились в путь по транссибирской магистрали. В 1939–1941 годах семья Нуреевых жила в столице, где Нуреев-старший служил в артиллерийском училище. Здесь и застала их война...

Отец вскоре ушел на фронт. На руках Фариды Нуреевой остались трехлетний Рудик и три старшие дочери. Но решительности этой женщине было не занимать, о чем любил вспоминать и ее сын спустя многие годы: не дожидаясь всеобщей эвакуации, она вместе с детьми как можно скорее покинула Москву и поначалу обосновалась в маленькой башкирской деревушке на Урале – родине отца семейства, где наверняка проживали родственники со стороны мужа, в чьих жилах текла и башкирская кровь.

Рудольф много лет спустя так пояснил причину этого переезда: «...на дом, в котором мы жили в Москве, упала бомба. Мы вынуждены были уехать, оставив часть нашего имущества, так как надеялись, что сумеем скоро вернуться. Эвакуация привела нас в ту часть России, откуда и произошла семья, – в Башкирию, на восточные склоны Уральских гор, на полпути между Ленинградом и Сибирью».

Фраза о бомбе, упавшей на их дом, привлекает к себе внимание. Известно, что дом был двухэтажным и деревянным. Возможно, от него мало что осталось после таких событий.

Мальчик рос в нищете, на одной картошке, хилым, слабым и маленьким. Однажды, не в силах дождаться, пока картошка сварится, Рудик попытался достать ее, опрокинул на себя горящий примус вместе с котелком и попал в челябинскую больницу. Здесь кормили вдоволь, так что уходить при выписке не хотелось. Но главным было все-таки не это. «Чувство, что обо мне заботятся, как если бы я был единственным больным в госпитале, было первой большой радостью в моем детстве», – много лет спустя вспоминал Рудольф.

Радостью оказалась и музыка. Единственным ее источником в доме было радио, привезенное с собой из Москвы. Рудик мог часами просиживать около него, тихо слушая красивые классические мелодии. Именно благодаря им мальчик мысленно переносился из комнаты с множеством ее обитателей, убегал из одинокого детства в свои мечты. По признанию Нуреева, с самых ранних дней он смотрел на музыку как на друга, как на религию, как на путь к лучшему будущему. У него и в мыслях не было, что из этого увлечения вырастет другая страсть, единственная, которая заполнит всю его жизнь, – танец.

Очень любила музыку и старшая сестра Рудика, Лиля. Но девочке не повезло: в раннем детстве она, простудившись на холоде, переболела менингитом и потеряла слух. Несмотря на свою глухоту, Лиля очень любила петь, у нее это неплохо получалось. Когда по радио играла музыка, глухая девочка останавливалась и прислушивалась, как будто слышала что-то. Каждый из этих двух детей был счастлив по-своему...

В 1943 году Нуреевы переехали в Уфу, где поселились вместе с семьей брата Хамета Нуреева. Жили в маленькой клетушке – три семьи в одной девятиметровой комнате! Можно сделать смелое предположение: маленький мальчик вполне мог вынести из детства самые негативные представления об отношениях мужчины и женщины. Скорее всего, так и было. Впоследствии Нуреевым выделили отдельное жилье, но и тогда им всем пришлось ютиться в одной

комнате в четырнадцать метров, где стояли две кровати: одна для родителей, вторая – для четверых ребятишек.

В памяти Рудольфа о тех годах преобладало одно чувство: сосущий голод. Он вспоминал бесконечные, длящиеся по шесть месяцев зимы без света по вечерам и почти без еды. Так же помнил, как мама уходила в метель, чтобы принести домой несколько фунтов картошки, на которые их семья должна была жить неделю.

Воспоминания детства... Они всегда остаются одними из самых ярких в жизни каждого человека.

Однажды мать ушла, ничего, по обыкновению, не сказав Розе, навестить дальних родственников, живущих недалеко от Уфы. Весь путь туда и обратно она проделывала пешком. Была середина зимы. Фарида вышла на рассвете и к ночи дошла до небольшого леса как раз перед самой деревней. Она была совершенно без сил, когда вдруг заметила вокруг маленькие желтые огоньки, которые двигались парами на некотором расстоянии от земли. И вдруг Фарида поняла, что это. Вернее, кто. Нуреевы слышали в Уфе рассказы о том, что голодные волки в эти военные времена настолько осмелели, что заходят даже в деревни. Серые силуэты окружали женщину все теснее и теснее. Но Фарида, не привыкшая сдаваться в любой ситуации, и здесь не растерялась: сняла с себя шерстяное одеяло, в которое была укутана, и подожгла его. Увидев пламя, волки поджали хвосты и исчезли в лесу. Фарида добралась до родственников, запаслась кое-какими продуктами и поспешила домой. Боясь напугать детей, она рассказала им об этом происшествии только много времени спустя...

«В некотором роде эта история характерна для нашей семьи. В конце пути может быть даже смерть, и знаешь это, однако продолжаешь идти, находишь новые силы, новые решения там, где другие положились бы на providение. Я не могу не гордиться этой чертой в нашей семье»³.

Рудольф хорошо помнил свой первый день в детском саду, очень грустный день. Семья Нуреевых оказалась настолько бедной, что у мальчика не нашлось никакой подходящей одежды. В частности, не было обуви. «Мама вынуждена была отнести меня в садик на спине, и я очень сильно страдал от сознания необычности такой ситуации, – рассказывал Рудольф годы спустя. – Я был гордым ребенком, и как наша бедность, так и унижительность нашего положения причиняли мне поистине физические страдания. В этот первый день мама одела меня в Лилино платье, и нет ничего другого, что бы могло заставить 6-летнего мальчика чувствовать себя глупо, чем заставить его надеть платье сестры. На мне была так же одета девчачья пелерина с крыльями, и я выглядел и чувствовал себя клоуном».

Платье сестры, пелерина с крыльями... Психологи и сексологи утверждают: весьма рискованно одевать мальчиков в их раннем возрасте подобно девочкам – последствия могут быть необратимыми. Не эта ли трагическая закономерность произошла и с Рудиком Нуреевым?... С самого раннего детства ему пришлось донашивать одежду сестер, а Фарида даже не пыталась перешить из нее что-нибудь более подходящее для мальчика (может, не умела?). До самой школы Рудик ходил в сестринских вещах, и даже в первый класс пошел в пальтишке своей сестры. Об этом факте и спустя годы в один голос вспоминали все соседи Нуреевых.

Тогда, в далеком детстве, потрясенный мальчик понял: многие дети в садике живут более обеспеченно, чем он, лучше одеты. Эти ребятишки были, вероятно, из семей, постоянно живущих в Уфе. Они не вели такую неустроенную жизнь, как Нуреевы, уехавшие из Москвы и оставившие почти все свое имущество дома.

Однажды Рудик упал в садике в голодный обморок. Дома нечего было есть с предыдущего утра, и мама вместе с его сестренкой Розой отправилась в один из своих походов за едой. Все,

³ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

что мог сделать маленький голодный мальчик, – постараться пораньше уснуть. На следующее утро, проснувшись, он почувствовал головокружение, но мужественно пошел в садик и там упал.

Все вышесказанное известно из рассказов Рудольфа о своем детстве и частично – со слов его сестры. Но на чудом сохраненной старой фотографии, снятой в свое время воспитательницей детского сада Розой Сабитовой, маленький Рудик внешне ничем не отличается от других мальчиков, стоящих рядом. Все они – в аккуратной одежде, напоминающей военную форму.

* * *

Тридцать первого декабря 1944 года Фарида Нуреева, достав только один билет, повела своих детей на балетный спектакль Башкирского театра оперы и балета. У входа в театр стояла огромная толпа, и в образовавшейся давке все пять Нуреевых, мать и четверо детей, весьма удачно прошли на спектакль по одному билету.

«Это было как раз в конце войны, – рассказывал Рудольф английскому журналисту, обобщая под словом «русский» представителей всех национальностей Советского Союза. – Врожденная в каждом русском любовь к музыке и балету стала за эти годы еще сильнее. Каждый надеялся хотя бы на время уйти от кошмара повседневной жизни. Безграничные духовные ресурсы русских, глубина их внутренней жизни, способность, с которой они могут вырваться из убогости повседневной борьбы, являются, по моему мнению, главным объяснением того громадного успеха, который вызывает в Советском Союзе почти любое проявление искусства».

Рудольф навсегда запомнил каждую деталь этого спектакля. Сам театр с мягким светом хрустальных люстр, небольшими фонарями, горевшими повсюду, бархатом занавеса и сидений, позолотой отделки казался мальчику совсем другим миром, местом, которое можно увидеть только в прекрасной фантастической сказке.

А главное, Рудик был потрясен всем происходящим на сцене: он впервые увидел настоящий балет, который буквально околдовал мальчика. В этом новогоднем спектакле – национальном балете под названием «Журавлиная песня», по сюжету несколько напоминающем «Лебединое озеро», – выступала прекрасная исполнительница, очень лиричная Зайтуна Насретдинова. Выпускница Ленинградского хореографического, ученица самой Агриппины Вагановой, она уже пять лет блистала на сцене родного Башкирского театра. Позже Нуреев признается: именно тогда он понял, что будет танцовщиком!

«С того момента, как я попал в это волшебное место, мне показалось, что я действительно покинул реальный мир и родился вновь где-то далеко от всего, что я знал, во сне, который разыгрывается для меня одного... – сказано в «Автобиографии» Р. Нуреева, выпущенной английским издательством. – ... Мною овладела абсолютная убежденность, что я рожден танцевать...»⁴

Осенью 1945 года семилетний Рудик пошел в школу. (Теперь в уфимской школе № 2 по улице Свердлова, 38 находится Уфимское хореографическое училище имени Рудольфа Нуреева.)

По признанию Рудольфа, школу он любил с первого же дня. Юный Нуреев оказался лучшим учеником благодаря своей необычайной способности схватывать все на лету, с первого раза. Все, что рассказывала учительница, он запоминал тут же в классе и никогда не учил уроки дома. Придет время, и эта способность, подобно губке, все впитывать в себя, «уйдет» в танец.

Он по-прежнему был очень одинок. Все свободное время мальчик проводил, слушая музыку, бесконечно льющуюся из домашнего приемника, и слушал до тех пор, пока, по его

⁴ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

словам, не пьянел от нее. Или забирался на свой наблюдательный пункт недалеко от дома: небольшой холм, с вершины которого Рудик мог часами наблюдать жителей Уфы, идущих по своим делам.

Но была и другая причина выбора этого наблюдательного пункта. Он возвышался над Уфимским железнодорожным вокзалом. Наблюдая за ним, юный Нуреев просиживал там часами. В течение нескольких лет он приходил туда каждый день, просто глядя на то, как отъезжают поезда, медленно набирая скорость. «Мне нравилось ощущение, будто это меня увозят колеса куда-то прочь, – признавался Рудольф. – Железная дорога привлекала меня больше, чем школа и даже дом. Уже много времени спустя в Ленинграде, приступая к созданию нового образа, я часто ходил на вокзал просто посмотреть на поезда, пока я не чувствовал, что движение становится частью меня, а я – частью движения. Это как-то помогало мне в танце, хотя я и не могу точно объяснить, чем».

Однажды в школе на уроке танца Рудики показали, как двигаться под музыку простой башкирской песни. Он не сразу ощутил то удовольствие, которое вскоре стал доставлять ему сам процесс танца. Но звонкие башкирские песни волновали и приносили радость. Как-то, придя домой из школы, мальчик протанцевал дома весь вечер, до тех пор, пока не пришло время идти спать.

Судя по всему, Фарида очень любила своего мальчика. Мать одной из первых заметила его страсть к движению, и Рудик с семи лет с удовольствием занимался в различных кружках народного танца.

Рано повзрослевший мальчишка с большими смысленными глазами и льняными волосами – таким вспоминали Рудика Нуреева те, кто знал его еще ребенком. Подвижный маленький разбойник, своевольный, импульсивный – подобная характеристика явно не исчерпывает всех особенностей его детского характера. Достаточно сказать, что главное, что теперь привлекало мальчика к школьным занятиям, это... башкирские народные танцы. Преподаватели не могли не заметить усердие маленького Рудика на уроках танца, и его включили в небольшой детский ансамбль, выступавший по госпиталям перед ранеными воинами, прибывшими с фронта. Стоит ли говорить, что это оказалось едва ли не самым счастливым событием его детства!

*«Я думаю, что уже тогда, это было в конце войны, я раз и навсегда был отравлен похвалой. Все наши друзья постоянно твердили, что я одаренный, что я «действительно рожден для танца, и что я просто должен учиться в Ленинграде». Очевидно, что нигде, кроме Ленинграда, нельзя научиться танцевать. Я поверил в это, и с того времени это убеждение никогда меня не покидало. С самого моего детства все мои мысли были о Ленинграде. С того же времени также появилось мое непоколебимое убеждение, что самой судьбой предопределено мне стать профессиональным танцовщиком».*⁵

Хамет Нуреев вернулся с фронта заместителем командира батальона по политической части в звании майора. На груди его среди прочих висели медали «За оборону Москвы» и «За победу над Германией...», ордена Красной Звезды и Отечественной войны.

Когда Хамет, прошедший войну настоящим героем, со множеством наград приехал в Уфу, Рудики было уже восемь лет. Отец с ужасом увидел в этом ребенке законченного маменькиного сынка. Фарида изо всех сил поощряла его неумную энергию и любовь к музыке. А стремление к постоянному движению – разве было оно нормальным? Одним из любимых развлечений мальчика оказались прыжки, непременно под музыку, со стула на стул. И ведь ему и в голову не приходило, что дело может закончиться плохо и для него самого, и для мебели!

⁵ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

Хамет решил жестоко искоренить странную страсть сына к музыке и танцам.

– Балет – не профессия для мужчины, – твердил Нуреев-старший. – Все артисты пьяницы. Они ведут никчемное существование до сорока лет, после чего их выбрасывают из театра, и они становятся просто отребьем! Если мой сын станет танцором, он очень скоро кончит дворником!

Он хотел, чтобы сын пошел в ремесленное училище и приобрел надежную рабочую профессию, которая смогла бы его прокормить. И Хамет, и одноклассники Рудика насмешливо называли его «Балериной». За посещение танцевального кружка в Доме пионеров отец даже бил Рудика, но выбить из него «дурь» так и не смог. Хамет начал было прививать сыну вкус к мужским развлечениям – охоте и рыбалке, но Рудик возненавидел эти занятия.

«Он у нас по дому ничего не делал, – откровенничала, вспоминая брата, Розида Нуреева, – отец придерживался мусульманских традиций: «В доме три девки, что это я его, парня, буду заставлять?». Иногда Рудик сам вызывался сходить за хлебом, – если отец не пускал его на занятия в танцевальный кружок, – а приходил ночью с черствыми булками. Занимался».

«С самого своего возвращения и до сегодняшнего дня отец остается в моей памяти как строгий, очень могучий человек с сильным подбородком и тяжелой челюстью, как незнакомец, который редко улыбался, мало говорил и который пугал меня. Даже мысленно я все еще боюсь посмотреть на него прямо»⁶.

⁶ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

На репетиции.

«Поскольку дома мне запретили танцевать – а бросить танец я, естественно, не мог, – я был вынужден начать жизнь, полную лжи. Мне постоянно приходилось изобретать предлоги, чтобы ускользнуть из дома на репетиции и занятия танцем». (Рудольф Нуреев)

* * *

С десяти лет Рудик занимался классическим танцем: в 1948 году его старшая сестра Роза привела брата в Дом учителя к педагогу Анне Ивановне Удалицевой, в балетном кружке которой занималась и сама.

В детстве Рудик был очень дружен с сестрой. Ему казалось, что она одна его понимала. В то время Роза училась, чтобы стать педагогом. Она рассказывала брату историю танца, брала его на семинары. Однажды, чтобы доставить ему удовольствие, принесла домой балетную

пачку – короткую пышную юбочку, в которой часто танцуют балерины. Рудик был на седьмом небе от счастья. В возрасте около восьми лет он был одержим, подобно человеку, поглощенному одной страстью и слепому ко всему остальному.

Бывшая танцовщица дягилевской труппы, участница знаменитых «Русских сезонов» за рубежом, Анна Удальцова в свое время, еще до революции, выступала с Анной Павловой и Тамарой Карсавиной, дружила с Федором Шляпиным. Выйдя замуж за военного, оказалась в Уфе после того, как ее муж, проходящий по делу об убийстве Кирова, был сослан на Север. Анна Ивановна, обосновавшись в столице Башкирии и открыв в себе незаурядный педагогический талант, стала обучать детей искусству балета.

С первым учителем по классике Рудiku Нурееву явно повезло. Эта интеллигентная, образованная женщина свободно владела тремя языками. Своих учеников Анна Ивановна не только обучала танцу, но и приобщала к музыке, литературе, живописи. Яркий талант маленького Нуреева не остался незамеченным ею. Наблюдая в своем классе за этим старательным вихрастым мальчуганом, она первая произнесла вслух сакраментальную фразу: «Это будущий гений!».

Через год, научив Рудика правильным позициям, первым плие и батманам, Анна Ивановна заявила, что ей больше нечему его учить, и посоветовала брать уроки у ее подруги, великолепного педагога Елены Войтович. Но всю свою жизнь следила за успехами своего ученика и бесконечно радовалась им. Когда Нуреев оказался за границей, Удальцова собирала найденные непостижимым образом статьи о нем в иностранных газетах и рассказывала о триумфах Рудольфа общим друзьям и знакомым. А когда Нуреев ненадолго приехал на родину, он был счастлив встретиться со своим первым педагогом.

Елена Константиновна Войтович, танцевавшая прежде в кордебалете Мариинского театра, вела кружок при Доме пионеров. Она и концертмейстер Ирина Александровна Воронина, научившая мальчика играть на фортепьяно несложные мелодии, развили балетные и музыкальные способности Рудольфа.

Так получалось, что Рудик всегда оказывался в поле зрения профессионалов. К десяти годам, когда мальчик поступил в танцевальный кружок Дома пионеров, похвалы в его адрес раздавались уже со всех сторон. Рудик частенько слышал самые главные слова: «Тебе нужно ехать в Ленинград».

Легко сказать – Ленинград... Об этом было страшно и подумать. И не только потому, что мальчик происходил из небогатой семьи и жил в Уфе далеко от центра. Склонность Рудика к танцам просто приводила в ярость его отца. К тому же результаты школьной учебы становились все хуже и хуже – в обратной пропорции к танцевальным успехам мальчика. К последнему году учебы в Уфе его высшей оценкой стала «тройка». Учителя знали, что Рудик в состоянии учиться гораздо лучше, но понимали, что он всецело увлечен балетом.

Кроме танца (или, вернее, в результате увлечения танцем) у мальчика появилось горячее желание и дальше учиться играть на рояле. Когда он признался в этом отцу, тот ответил: «Рудик, рояль – это неинтересно. На нем трудно выучиться играть. Гораздо лучше научиться играть на аккордеоне или губной гармошке. Аккордеон поможет тебе завоевать популярность на любой вечеринке, и ты сможешь всюду брать его с собой. Не думай о рояле. Ты же не сможешь таскать его повсюду за собой на спине. Кроме того, рояль далеко не всем нравится».

Впоследствии Рудольф очень сожалел о том, что не смог убедить отца: музыка не должна ограничиваться инструментами, которые можно унести на своей спине. До конца своих дней он не оставлял надежду научиться играть на рояле. В 1960 году на деньги, которые он получит во время турне по Восточной Германии, Нуреев купит хороший инструмент для ленинградской квартиры, где жила его сестра Роза. Жаль только, играть именно на этом инструменте ему уже не придется...

...Вскоре Рудик узнал: группу детей, отобранных по всей Башкирии, посылают в Ленинград, где они будут держать экзамены для поступления в Ленинградскую балетную школу. Казалось, его сон вполне может стать явью. Но увы...

Мальчик буквально умолял отца пойти вместе с ним и навести справки: что нужно для того, чтобы присоединиться к этой группе? Вместо этого отец советовал ему забыть о танцах. Вскоре Рудик узнал, что дети уже уехали в Ленинград без него, и дни душевного подъема сменились у него черным отчаянием. Долгое время после этого, когда отец встречался с мальчиком глазами, он казался смущенным. Рудик долго не понимал почему, пока через пару лет, когда сам заработал немного денег, не отправился на три дня в Москву. И тогда ему все стало ясно: у отца в то время просто не было двухсот рублей, нужных для покупки билета от Уфы до Ленинграда...

Но в детские годы многое переживается, как настоящая драма. Старшие Нуреевы решили, что для сыновнего блага они должны раз и навсегда запретить ему заниматься танцами. Только так, рассуждали они, можно подавить одержимость сына и прекратить его постоянную беготню то на занятия танцами, то на репетиции и выступления. Они все время твердили, что Рудик уже не ребенок и в его годы они уже работали. Советовали либо бросить школу и начинать зарабатывать на жизнь, либо сосредоточиться на школьных занятиях, чтобы затем стать хорошим специалистом в какой-то области. Некоторое время отец хотел, чтобы мальчик стал военным. Он служил в артиллерии, и Рудик просто обязан идти в артиллерию! Хамет не предполагал, что у его сына могут быть другие планы, а узнав о них, пришел в ярость. «Отец его преследовал», – скажет о Хамете Нурееве первый педагог Рудольфа Анна Удальцова.

Некоторые биографы поспешно утверждают, что Рудольф всю жизнь не мог простить отца. Но «Автобиография» Р. Нуреева свидетельствует о другом – о глубоком понимании близкого человека, несмотря на серьезные разногласия между ними, о способности проникнуть в чужую душу и поставить себя на место другого. Это кажется особенно важным, когда речь идет о характере Рудольфа Нуреева, его человеческих качествах, не устраивавших многих в его окружении.

«Я могу понять, что он чувствовал, – признавался танцовщик. – Он так долго мечтал о сыне, который, как он надеялся, пойдет по его стопам. А вместо этого что произошло?

...Для него карьера артиста была чем-то неприемлемым, легкомысленным и, главным образом, делом немужским. Как член коммунистической партии он боролся за возможность для своих детей подняться гораздо выше того, чем был он сам, получить образование, и он просто не мог понять, как я могу желать стать танцовщиком, когда у меня такие возможности, которых раньше не имел ни один член нашей семьи – стать доктором или инженером, человеком с положением, способным занимать руководящие должности, иметь хорошую обеспеченную жизнь – все, чего сам отец никогда не имел. Для него все артисты были по существу пьяницы, люди, которые лет до сорока ведут беззаботную жизнь, а затем бессердечный директор из-за их старости и бесполезности выгоняет их из театра, и они становятся нищими. «Если мой сын станет танцовщиком, то это ненадолго, а затем он станет швейцаром», – сказал однажды мой отец сердито. Ничего себе перспектива для Нуреева! Жизнь в это время была нелегкой, в школе ли, дома ли – все, казалось, шло плохо. Мне было теперь около 14 лет. Я становился все более и более замкнутым и чувствовал себя все более и более одиноким».

Сестра Роза, единственный союзник Рудика, уехала в Ленинград, и подростку казалось, что никто, буквально никто не понимает его стремления к танцу. Отчасти так оно и было...

Так как дома Рудик запрещали танцевать, а он, естественно, не мог прекратить заниматься, он стал жить в обстановке постоянной лжи, постоянно изобретая пути, чтобы улизнуть из дома на репетицию и уроки танца. Иногда прибегал к уже излюбленному варианту: предлагал помощь матери – купить, например, что-нибудь нужное из продуктов. Разумеется, «помощник» обычно очень поздно приходил домой с рынка, а однажды по рассеянности умуд-

рился потерять продовольственные карточки, на которые вся семья могла бы жить в течение недели. Можно представить, какой скандал разгорелся дома!

А тут еще из школы, хотя Рудик в значительной степени и способствовал ее танцевальным победам на всех национальных конкурсах, учителя стали посылать Хамету Нурееву целый поток писем, жалуясь на нерадивого ученика. «Нуреев занимается все меньше и меньше... У него ужасное поведение. Он всегда опаздывает в школу... Нуреев очень нервный, подвержен приступам гнева... часто дерется с одноклассниками. Он прыгает подобно лягушке... Это все, что он умеет... Он танцует даже на лестничной площадке».

Как оказалось, Рудик танцевал не только на лестничной площадке. Единственное счастливое воспоминание, которое он сохранил об этих годах, это выступления с народными танцами в пригородных деревнях вокруг Уфы. Танцевальная группа молодежи вечерами переезжала из деревни в деревню, весь ее состав и все театральное оборудование размещалось на двух маленьких грузовиках. Там, где останавливались танцоры, эти грузовики плотно ставились рядом, борта их убирались, настилался деревянный пол, становившийся на какое-то время импровизированной сценой. Занавес был сделан из красной хлопчатобумажной ткани с большими голубыми цветами. «Материи такого рода вы найдете в любой татарской избе: на диванах, подушках, кроватях, на занавесах, в нишах – когда вспоминаешь об этом, на душе становится теплее», – пояснял Рудольф. Ее натягивали на середине грузовиков, а позади образовывалась закулисная часть. Зрители сидели на простых скамейках, а вокруг передвижного театра висели горящие голубым пламенем, коптящие керосиновые лампы. Эти романтические воспоминания Рудольф Нуреев сохранил на всю жизнь...

Два выступления особенно запомнились ему. Однажды вечером Рудик танцевал перед крестьянами, жонглируя шестом с гирляндами и длинными свисающими лентами. Получилось так, что к концу танца шест каким-то образом воткнулся в занавес. Юный танцор оказался полностью завернутым в материю, словно зверь, попавший в сети. На мгновение он осознал, как смешна эта сцена со стороны. Но с честью вышел из положения: сделал вид, что эта неожиданность на самом деле – задумка веселого номера. Как ни странно, но это сработало! Зрители отлично приняли номер, а находчивый исполнитель сорвал большие аплодисменты.

В другой раз юный Нуреев выступал перед железнодорожниками уже с матросским танцем. Специально для этого номера заказали пару морских брюк. Но, как назло, они оказались не готовы ко времени и Рудик пришлось выступать в костюме, сшитом для другого танцовщика, более высокого и крупного. Костюмер закрепила брюки при помощи булавок, но после первых же па булавки вылетели и брюки упали на пол прямо к ногам танцора. Зрители, естественно, заулыбались. Рудик в бешенстве убежал за кулисы. Брюки вновь закрепили, уже более надежно и плотно, и он вернулся на сцену, решив держать себя так, как будто ничего особенного не произошло. Но...

«Через несколько минут я вновь услышал зловеющий шум выстреливших булавок. Мои брюки широко раскрылись, и я опять оказался полуголым перед аудиторией.

Я полагаю, что большинство детей в пятнадцать лет в этих условиях отказались бы продолжать выступление, но не я. Еще раз я бросился за кулисы и умолял организаторов дать мне еще один шанс закончить танец. Переговоры, обещания, что все будет прилично, и наконец, удар в барабан, и конферансье, просунув голову через занавес, объявляет, комически выговаривая букву «Р»: «Товарищ Рудольф Нуреев обещает вести себя

прилично и не выкидывать большие никаких иштучек. Так дадим же ему последний шанс закончить танец»⁷.

* * *

В 1953 году Рудольфа пригласили в балетную студию при Башкирском театре оперы и балета. О нем уже знали как о талантливом мальчике-танцоре. Преподавала здесь Загида Бахтиярова, одна из первых балерин башкирского театра. Некоторые уроки вел главный балетмейстер театра Виктор Пяри. Студия готовила в основном артистов кордебалета, но Рудольфу доверяли и небольшие сольные партии. Он был оформлен как артист балета и получал небольшую зарплату: десять рублей за вечер. Но тогда деньги имели для Нуреева наименьшее значение: он был переполнен счастьем от того, что получил работу, и чувствовал, будто у него выросли крылья.

«В действительности же это была далеко не блестящая перспектива – все, что я делал в театре, это ходил по сцене несколько вечеров в неделю то слугой, то нищим, то римским солдатом или еще кем-то в этом роде, – спустя годы трезво посмотрит Рудольф на былые успехи. – Но исполнение этих маленьких ролей также требовало репетиций, и становилось все труднее и труднее пропускать уроки и удерживаться в школе. Даже более юные, чем я, когда решали идти зарабатывать себе на жизнь, просто заявляли об этом своим родителям, и те устраивали их для продолжения учебы в вечернюю школу. Но как я мог признаться, что зарабатываю всего 300 рублей в месяц? Наконец, представившись артистом Уфимского оперного театра, я побывал в различных рабочих коллективах, где предлагал давать еженедельные уроки народного танца за 200 руб. в месяц. Это требовало большого нервного напряжения, но я понял, что могу заниматься этим. Так или иначе, но я стал зарабатывать столько же, сколько зарабатывал мой отец в те дни. Обстоятельства складывались благоприятно».

Со временем обстановка в семье Нуреевых немного смягчилась: статус театрального артиста значил немало. Правда, десятый класс Рудик заканчивал уже в школе рабочей молодежи – учиться в обычной школе и работать оказалось непросто.

У Рудольфа появилось еще одно увлечение, сохранившееся на всю жизнь: живопись. Вместе с другом Альбертом Арслановым он коллекционировал репродукции картин. Юноши тайно откладывали деньги, чтобы отправиться в Москву и своими глазами увидеть подлинники любимых произведений. В 1954-м им удалось съездить туда на автобусе – из Рязани, где оба были на гастролях вместе с театром. По залам Третьяковки бродили до самого закрытия, забыв про еду и про все на свете.

В 1955 году Башкирская республика отбирала танцовщиков для участия в таком важном событии, как декада башкирского искусства – она проходила в Москве.

Наступил день, когда артисты балета Башкирского оперного театра должны были предстать перед комиссией, которая отбирала артистов для участия в декаде. Все было готово: и артисты, и члены комиссии, за одним исключением. Один из солистов балета отсутствовал по невыясненной причине. Тогда директор театра поднялся на сцену, созвал всех артистов и объяснил сложившееся положение. Он спросил, нет ли желающих выступить в этой партии, чтобы просмотр мог продолжиться.

Рудольфу все происходящее показалось фантастическим сном. Он машинально поднял руку и выступил вперед. Затем, после короткого занятия с балетмейстером, вышел на сцену и станцевал... Победа оказалась полной: его включили в программу конкурса!

⁷ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

Но в столице произошло непредвиденное. То ли по причине усталости и радостного возбуждения, то ли из-за того, что юный конкурсант еще не привык к обычному нормальному режиму взрослых артистов балета и к изнуряющему ритму их работы (только в день приезда прошло три репетиции!), он, неудачно приземлившись после пируэта, растянул связки на пальце ноги. Ступня Рудика вскоре так распухла, что он не смог даже надеть туфли и должен был оставаться в балетных тапочках.

Акомпаниатор Ирина Воронина, которая по-прежнему покровительствовала Рудiku, сделала все возможное, чтобы в столице заметили ее любимого ученика.

Через неделю, когда палец юноши уже зажил, по рекомендации Ирины Александровны Рудик отправился в класс знаменитого Асафа Мессерера, танцовщика Большого театра и одного из известнейших педагогов, занятия которого ежедневно посещали звезды советского балета, включая Галину Уланову. Мессерер попросил Рудика подождать, пока он закончит урок, и разрешил ему присутствовать в классе. Но в конце урока Мессерера вызвали по какому-то срочному делу, и в класс он не вернулся. Рудик готов был заплакать от огорчения. Следующий день оказался удачнее: проэкзаменовать молодого солиста из Башкирии поручили другому педагогу. В конце экзамена он сказал, что если Нуреев решит поступить в Московскую балетную школу, то, скорее всего, попадет сразу в 8-й класс, поскольку элементарные основы хореографии ему уже известны.

Все сказанное показалось Рудiku почти чудом: неужели сразу 8-й класс? Но юношу ждало глубокое разочарование: в тот период школа Большого театра не имела интерната; иногородние ученики, посещающие классы, должны были жить где-то на свои собственные средства. А разве возможно на небольшую стипендию и прокормить себя, и оплачивать съемную квартиру в Москве? Другое дело – Ленинград. Интернат там уже существовал, и многие учащиеся жили в нем.

Академия русского балета им. А. Я. Вагановой – одна из старейших балетных школ мира, с именем которой тесно связаны расцвет и всемирное признание русской балетной школы. Находится в центре Санкт-Петербурга, на улице Зодчего Росси.

«Я сразу почувствовал, что Ленинград – это город, способный неуловимо соответствовать любому настроению. Часто ностальгический и печальный, обращенный в прошлое, он вдруг в солнечных лучах представал бодрым и веселым. Его старинные каменные фасады выглядели вечными и живыми». (Рудольф Нуреев)

К тому же имелась и еще одна важная причина, по которой следовало выбрать Ленинградское хореографическое. Аккомпаниатор Ирина Воронина приложила немало усилий для того, чтобы Рудольф попал именно сюда. Собрав подписи представителей балетной элиты из Уфы, она направила в Министерство культуры Башкирской республики письмо с предложением направить Нуреева на учебу в Ленинград. Из министерства пришел благоприятный ответ, о чем Рудольфу было известно.

Решение было принято: Ленинградское хореографическое! По возвращении в Уфу Рудик вновь заработал денег (как он сам рассказывал впоследствии, давал уроки танца не где-нибудь, а в артели сапожников!), купил билет до Ленинграда и отправился в путь.

Глава 2

В ленинградском хореографическом училище

Как только Рудольф прибыл в Ленинград, сразу же помчался к училищу на улице Зодчего Росси. Подумать только: здесь начинали свой путь почти все прославленные представители русского балета – Анна Павлова, Тамара Карсавина, Матильда Кшесинская, Павел Гердт, Алексей Ермолаев, Вахтанг Чабукиани и Джордж Баланчин... «Все они бежали по этой прекрасной улице. В свой первый визит туда я явственно слышал эхо всех моих кумиров», – признавался Рудольф спустя годы.

В училище в это время – в самом разгаре ремонт и уборка перед началом занятий. Оглядевшись, Рудольф обратился к пробегавшему по коридору мальчику:

– Я хотел бы поговорить с товарищем Шелковым.

Шелков был директором школы.

Вдруг отозвался проходивший мимо мужчина:

– Шелков – это я. Что вы хотите?

Не моргнув глазом, несколько вызывая юнша из Уфы ответил:

– Я – Рудольф Нуреев, артист Башкирского театра оперы и балета. Я хотел бы здесь заниматься.

Шелков улыбнулся. Вероятно, подумал, как показалось Рудольфу: «Это какой-то самонадеянный дурачок из провинции». Однако ответил весьма любезно, что прибыл молодой человек слишком рано, занятия начнутся только 24 августа. К этому времени и нужно явиться на экзамен.

Обнадеженный Рудольф вышел на улицу. Впереди – целая свободная неделя! Он собирался прожить ее у Удальцовой, своей преподавательницы, которая как раз в это время, как и каждый год, гостила в Ленинграде у своей дочери, врача-психиатра.

С раннего утра и до позднего вечера Рудольф изучал Ленинград. В соответствии со временем дня он заметил, что город может быть строгим, суровым и бесстрастным; его каналы и белые каменные дворцы придают ему холодный и сдержанный вид, а затем ночью, с гуляющими студентами на улицах, он вновь становился веселым, оживленным городом.

Невозможно было устоять от прогулок по Невскому проспекту, вокруг Эрмитажа, Казанского собора... Рудольф съездил в Петергоф, посетил летнюю резиденцию царей, располагавшуюся в самом прекрасном парке, который юнша видел когда-либо.

По вечерам Анна Ивановна Удальцова рассказывала ему о прошлой жизни – как она была выслана в Уфу, как ее сестра, которая была замужем за богатым московским купцом, прятала в одежде все свои драгоценности. Куда бы она ни шла, муж следовал за ней с пистолетом и никогда не выпускал из вида. «Он выглядел таким современным Отелло, неистово охраняющим свою хорошенькую молодую жену от нежелательных поклонников. Но на самом деле он так упорно защищал остатки своего богатства», – уточнял Рудольф позже в своей «Автобиографии».

Наконец наступил долгожданный день экзамена. Юные танцовщики со всех концов страны прибывали в первые дни каждого учебного года на экзамен, чтобы оценить свои способности. Некоторые, подобно Рудольфу Нурееву, рассчитывали на стипендию, другие сами платили за помещение и питание.

Рудольфа экзаменовала Вера Костровицкая, один из старейших педагогов училища. Юнша почувствовал, что она очень внимательно наблюдает за исполнением требуемых упражнений и обязательных для экзамена прыжков. Кроме этого Рудольф представил на суд

комиссии бравурную мужскую вариацию из балета «Эсмеральда», еще в 1930 году переработанную и усложненную виртуозным Чабукиани.

После выступления Костровицкая медленно подошла к тяжело дышащему Рудольфу и сказала перед всем классом:

– Молодой человек, вы можете стать блестящим танцовщиком, а можете и никем не стать. Немного помолчав, она добавила категорически:

– Второе более вероятно.

Спустя годы Рудольф пояснял сказанное ею:

«Я понял, что означают эти слова: я должен буду работать, как сумасшедший. Костровицкая смогла увидеть, что мои манеры, весь стиль моего танца был мягкий и воздушный, но ничего в нем не было от уверенной и сознательной техники. Вопрос был в том, что сможет ли моя природная непосредственность быть использована при дальнейших занятиях или все, что я умею теперь, разрушится и умрет? Костровицкая имела в виду, что для того, чтобы превратить мой выразительный дар в прочные профессиональные навыки с твердым внутренним контролем, я должен работать, работать и работать больше, чем кто-либо другой в школе.

Тот факт, что я до сих пор почти не занимался танцем, придавало моему танцу индивидуальную окраску. В нем не было и намека на сухой стандарт. Я относился к танцу с энтузиазмом, как когда-то ребенком. Но теперь мне надо было создать твердые, хорошие мускулы, без которых танцовщик скоро спадет, как марионетка с порванными нитками.

Я должен был создать в себе надежный внутренний контроль и тогда увидеть, какая же половина предсказаний Костровицкой окажется верной!»⁸.

Очевидец того экзаменационного выступления высказался более определенно: «Отсутствовала линия. Отсутствовали ноги. Композиция разваливалась. Он как-то разбрасывался, занимая собой слишком много места».

* * *

Итак, мечта Рудольфа сбылась: он принят в хореографическое училище. Все это похоже на сказочный сон, и ты вот-вот проснешься... Занятия должны начаться 1 сентября, впереди еще пять дней для устройства. Нуреев хорошо понимал, что с этого момента его жизнь должна быть подчинена суровой дисциплине, и ничего не имел против этого. Все, что его действительно интересовало, – это танец. Он должен, просто обязан научиться танцевать так, чтобы быть первым. То, что обычно занимало его сверстников, – спорт, выпивки, разговоры о девушках, – мало его привлекало.

Утром, в день его прибытия в школу, Рудольфу показали комнату, где он будет жить. В общей спальне, просторной светлой комнате с широкими арочными окнами, помещалось двадцать учеников. Теснота домашнего жилища в Уфе осталась позади. Как, наверно, приятно отдыхать здесь!

Вскоре Рудольф начал пропускать завтраки для того, чтобы урвать еще минут тридцать на сон. Была и другая причина: таким образом он мог хоть раз в день уклониться от необходимости есть в столовой вместе со всеми, – то, к чему ему было очень трудно привыкнуть.

В руки опытных педагогов Ленинградского училища Рудольф попал с большим опозданием – в семнадцать лет. Правда, в те годы в этом не было ничего из ряда вон выходящего:

⁸ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

училище практиковало прием «великовозрастных» учеников, если тому имелись основания – талант поступающего. Поздно поступили в училище и учились всего четыре года такие известные представители балетного искусства, как Игорь Моисеев, Асаф Мессерер и Фея Балабина.

«В Ленинграде ему наконец-то серьезно поставили ноги в первую позицию, – пояснял Михаил Барышников. – Это очень поздно для классического танцовщика. Он отчаянно пытался догнать сверстников. Каждый день весь день – танец. Проблемы с техникой его бесили. В середине репетиции он мог разреваться и убежать. Но потом, часов в десять вчера, возвращался в класс и в одиночестве работал над движением до тех пор, пока его не осваивал».

Трудности были связаны и с природными данными Рудольфа, вроде бы не идеальными для искусства балета. Его рост – 1,76 метра – считался для танцовщика средним, а ноги были коротковаты по соотношению с торсом. Хотя, как подтверждает история балета, лучшими исполнителями как раз чаще всего становились танцовщики невысокого роста. К сожалению, высокий рост, соразмерное сложение и прекрасные внешние данные не гарантируют особых достижений в этом виде искусства. Интересно вспомнить откровенное высказывание по этому поводу танцовщика с прекрасной романтической внешностью, идеально сложенного солиста Кировского театра 1965–1971 годов Джона Марковского (он известен зрителям благодаря кинообразу принца Зигфрида, созданному на экране в фильме-балете «Лебединое озеро»): «Мой рост – 186 см – не позволял мне танцевать виртуозно, делать всякие кабриоли и прочее, зато я мог быть хорошим партнером».

Одно очевидно: Рудольф не обладал от природы хорошей координацией движений и воздушной легкостью. Поэтому даже то, что другим давалось сравнительно легко, им достигалось немалыми усилиями. Но танцевать он был готов и днем и ночью.

Румын Серджиу Стефанеску, которого разместили в одной спальне с Нуреевым, вспоминал: «Каждую ночь, едва выключали свет и дверь в комнату закрывалась, Руди выскакивал из кровати и тормозил меня: «Вставай, вставай!». И мы начинали танцевать – до двух, до трех часов утра. Танцевали все подряд: мужские вариации, женские вариации, все известные нам па-де-де. Женские партии исполняли по очереди. Мы были фанатиками. В конце первого курса нас перевели с третьего этажа на первый. После этого мы просто-напросто открывали окно, вылезали на улицу и бродили по городу. С тех пор я навсегда запомнил такую картину: белая ночь и Рудольф, в упоении танцующий вокруг обелиска на площади перед Зимним дворцом».

Нуреев был зачислен в 6-й класс, вел который директор училища Валентин Шелков, помешанный на строгой дисциплине.

«Всем нам внушали, что великий талант в академии ничего не стоит, если не подчиняется установленному порядку, – подтверждал танцовщик Валерий Панов. – Порядок ставился наравне с наивысшими достижениями в нашей работе, тогда как артистическая индивидуальность, бросающая вызов нормам поведения, определенно преследовалась. Чем более одаренным был ученик, тем скорее его исключали за грубость, ребячество, неуспеваемость по общим предметам, а особенно за нарушение правил».

С самого начала отношения педагога и ученика не сложились: юноша, непохожий на других и не желающий на них походить, раздражал Шелкова. Он игнорировал дисциплины, на его взгляд, совершенно не нужные артисту балета. Дошло до того, что однажды он открыто возмутился прямо в лицо изумленному учителю:

– Математика! Для чего она мне? Считать деньги? Это я сделаю и без нее!

Чтобы посмотреть очередной спектакль, Рудольф исчезал из училища по вечерам, что было строгой запретом.

«Меня трудно было подчинить размеренному порядку ленинградской школы, этот консерватизм заведения требует от учащихся безоговорочного подчинения его дисциплине. В старших классах было очень мало учащихся, которые бы жили при школе, главным образом это были еще дети, во всяком

случае, они все были моложе меня. Я хотел доказать, что не собираюсь вести свою жизнь по их образу и решил сделать смелый поступок. Однажды я пошел вечером в Кировский театр посмотреть балет «Тарас Бульба», хотя было строго запрещено ходить туда по вечерам. В конце концов, я не для того же приехал из Уфы, чтобы сидеть дома каждый вечер, когда совершенно очевидно, что посещать балеты – это тоже очень важная часть моего балетного образования»⁹.

На этот веский аргумент трудно, казалось бы, что-либо возразить. Но посещение балета «Тарас Бульба» имело последствия самые неожиданные и неприятные. Вернувшись поздно вечером в комнату общежития, Рудольф обнаружил, что его постель, а также продукты, оставленные на столе, загадочным образом исчезли. Юноша стойчески устроился спать на голом полу; утром, не позавтракав, отправился в класс на урок литературы и... упал там в голодный обморок, как только его вызвали отвечать. Как мы помним, с ним такие вещи случались и прежде...

Когда Рудольф пришел в себя, то спокойно, перед всем классом рассказал, что был наказан за то, что вечером без разрешения пошел на балет и что в следующий раз, очевидно, может ожидать нового наказания, «так как мы все еще живем во времена Александра I». Но сейчас, если класс сможет извинить его, он хотел бы пойти к своим друзьям – отоспаться и чего-нибудь поесть.

Разумеется, об этом эпизоде было доложено начальству, и Нуреева вызвали в кабинет директора, где он в очередной раз предстал перед Шелковым. Директор отругал его и приказал назвать адреса и имена своих друзей в Ленинграде. Под его напором Рудольф вынул записную книжку и сообщил адрес дочери Анны Ивановны Удальцовой, у которой он остановился, когда прибыл в Ленинград. Вдруг в приступе ярости Шелков подошел к нему и вырвал из рук блокнот с адресами.

Нуреев на всю жизнь запомнил этот случай. Он знал, что именно дисциплина выковывает характер и что без нее нельзя.

Но систематическое подавление индивидуальности – такой дисциплины он не понимал. Буквально все, что он делал, оказывалось не по душе Щелкову: не там встал, не так поздоровался...

Тамара Закржевская, ленинградская знакомая Рудольфа, писала: «Когда он приехал в Ленинград и поступил в училище, встретили его там очень неприветливо. Рудик попал в класс Валентина Ивановича Шелкова, который невзлюбил его с первого взгляда. Рудик мне рассказывал, что, когда начинался урок, Валентин Иванович иначе, как «деревенщина», к нему не обращался. И ученики (Рудик был старше всех в классе, ему исполнилось уже семнадцать), даже не по злобе, а потому, что перед глазами был пример учителя, постоянно называли его обезьяной.

Он безумно страдал, замкнулся в себе, будто чувствовал, что он один в этом враждебном мире. Он говорил мне, что тогда его захлестнуло отчаяние – дальше так быть не может. Ведь он так стремился в это училище, так хотел учиться».

Фраза зарубежного биографа Отиса Стюарта о том, что «все три года своей учебы в хореографическом училище Нуриев буквально терроризировал руководство полным пренебрежением к самым высокочтимым идеалам эпохи», ничего, кроме улыбки, вызвать не может. Разумеется, горькой улыбки.

Как ни странно, из училища Нуреева не отчислили: видимо, «мешало» очевидное дарование. Правда, большинство однокурсников и преподавателей относилось к нему с насторо-

⁹ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

женной неприязню. Рудольфа это задевало мало, главное – научиться танцевать. Именно по этой причине он решился на смену педагога.

«Шелков с самого начала был ко мне несправедлив, казалось, что он старается унижить меня при каждом возможном случае. Он покровительствовал некоторым ученикам, ласково поглаживал их по голове, советовал не переутомляться. Со мной же, наоборот, он всегда обращался как с отсталым подкидышем из пригородного приюта.

Рудольф Нуреев и Алла Сизова со своими учителями Александром Пушкиным и Натальей Камковой. Ленинград. ЛХУ им. А.Я. Вагановой. 1958 г.

Он называл меня «провинциальным бездельником». «Не забывай, – напомнил он мне, – что ты находишься здесь благодаря нашей доброте и на издвигении школы». Такое отношение вызывало во мне сопротивление. Через некоторое время я уже не чувствовал себя ни в чем ему обязанным: Я всегда стоял в самом конце класса так, что мое трико очень скоро начало изнашиваться сзади от постоянного трения о стенку во время занятий. Однако наиболее важным было мое понимание: при таком настроении я не смогу хорошо заниматься»¹⁰.

Неделю спустя после инцидента, связанного с «Тарасом Бульбой», Рудольф решил вновь пойти к директору. Объяснил ему, что считает очень обидным для себя учиться в 6-м классе, особенно после того, как его уже официально признали пригодным для 8-го. Сказал также,

¹⁰ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

что его заберут в армию еще во время учебы, он может все потерять. Шелков посмотрел на ученика с глубоким изумлением, наконец после долгой паузы недобро сказал:

– Я потратил на тебя достаточно времени и терпения. Теперь можешь идти собственным путем. Я направлю тебя к педагогу 8-го класса, но он не захочет даже смотреть в твою сторону. Подумай над этим, Нуреев. Он не захочет тратить на тебя свое время.

«Не будет особым преувеличением сказать, что Шелков просто не выносил Руди, – рассказывал одноклассник Нуреева Александр Минц. – У Руди был такой резкий характер, что он просто не умещался в рамках школьной политики Шелкова».

«Думаю, в то время всем казалось, будто я проучусь два года, с грехом пополам прорвусь сквозь восьмой и девятый классы и навсегда забуду о балете», – говорил Рудольф.

По счастью, его педагогом стал опытный преподаватель Александр Иванович Пушкин. Мягкий и доверчивый человек, он был уже так настроен против нового ученика, что первые несколько недель даже не смотрел в его сторону.

Александр Иванович считался одним из самых лучших в стране преподавателей мужского танца. Едва ли не самым лучшим... О качестве его обучения свидетельствует такой факт. В декабре 1967-го на уроке Александра Ивановича присутствовал Джон Баркер, руководящий школой классического балета в Нью-Йорке. То, что американский педагог увидел на уроке своего коллеги из Страны Советов, заставило его, по признанию Баркера два года спустя, «изучить русский язык, чтобы говорить с ним и научиться у него, как стать лучшим преподавателем».

Сдержанность поведения Пушкина и кажущаяся легкость его занятий каким-то чудесным образом рождали в учениках страсть и одержимость. Нуреев ощущал непреодолимую силу его влияния: «Он наполнял душу волнением и тягой к танцу... Его комбинации заставляли тебя танцевать, они были неотразимыми... вкусными, восхитительными... Музыка ассоциировалась у него с эмоциями. Шаги, жесты надо было наполнить чувством».

Много времени спустя Пушкин рассказал Рудольфу о том, как отрекомендовал его Шелков: «Я посылаю Вам одного упрямого идиота – недоразвитого злого мальчишку, который ничего не понимает в балете. У него плохая элевация (балетный термин, природная способность танцовщика исполнять высокие прыжки с перемещением в пространстве. Иными словами, полетность. – прим. авт.) и он не может правильно держать позиции. Посмотрите сами, но если он продолжит в том же духе, нам ничего другого не останется, как выкинуть его из училища».

Поразительные недальновидность и отсутствие чутья в отношении будущей звезды в той области искусства, к которому директор хореографического училища и сам педагог принадлежал всю свою жизнь! И не просто принадлежал: Валентин Шелков так же в свое время учился у Александра Ивановича Пушкина. Выпустившись из его класса в 1933 году, он сначала недолго танцевал в балетной труппе Ленинградского малого театра оперы и балета, затем перевелся в Свердловский театр, где прослужил семнадцать лет, после чего возглавил Свердловское хореографическое училище. В 1951-м судьба вновь вернула его преподавателем в Ленинград и определила руководить одним из главных балетных училищ страны.

– Он начальник, а не педагог, – проницательно говорил Рудольф друзьям по училищу.

В случае с нерадивым учеником по фамилии Нуреев директора училища Шелкова ожидал настоящий сюрприз: тезка великого русского поэта стал для Рудольфа больше чем простым учителем. На какое-то время он заменил ему отца – такого, которого он всегда хотел иметь в своих мечтах: понимающего наставника и друга. И главное, этот наставник и друг умел учить, не ущемляя личность! Он никогда не пытался переделывать своих учеников по своему образу и подобию, предоставляя им право развиваться самостоятельно.

«Это человек, способный глубоко постичь характер каждого ученика, продумать для каждого индивидуальную, интересную комбинацию па, чтобы пробудить у учащегося интерес к работе. Он всегда старался лучше

использовать преимущества каждого из нас и не подчеркивать наши недостатки. Он не пытался переделывать индивидуальность каждого, но наоборот, относился к ней бережно, так, чтобы мы могли вносить в свой танец некоторую индивидуальную окраску как отражение своей внутренней жизни. В конце концов, ведь именно индивидуальность танцовщика придает жизнь и величие классическому балету. Я полагаю, такое преподавание балета в России и скрупулезно разработанные программы являются главным основанием, почему наш балет прочно стоит на таком высоком уровне»¹¹.

* * *

Исполнилась и еще одна давняя мечта Рудольфа: он стал учиться игре на фортепиано. Ходил по многим театрам и музеям, коллекционировал пластинки, изучал западную хореографию по иностранным журналам, которые доставал неведомо каким путем.

«Он впитывал все как губка», – впоследствии скажут друзья. Эту «губку», как оказалось, можно было насыщать бесконечно...

В конце первого года пребывания в Ленинграде у Рудольфа вошло в привычку каждый день заглядывать в ближайший музыкальный магазин, расположенный около Казанского собора, чтобы купить себе ноты. Если мог, он сам проигрывал их, а порой уговаривал сыграть кого-нибудь в училище. Его путь к музыке начинался постепенно с тех произведений, которые теснее были связаны с балетом: Чайковский, Шопен... Затем открыл для себя Моцарта, Шумана, Бетховена, Баха. И только значительно позднее более современных композиторов – Рахманинова, Прокофьева, Дебюсси...

Музыкальным магазином у Казанского собора с большим выбором пластинок и нот завела средних лет женщина, которая скоро привыкла к каждодневным визитам скромно одетого юноши с оригинальной внешностью. И ожидала их. Постепенно эта дружба становилась все теснее. «В этом было своего рода материнское чувство», – скажет Рудольф позднее. Елизавета Михайловна Пажи, именно так ее звали, искренне огорчалась, когда Нуреев не мог прийти в магазин. Иногда она просила музыкантов, которые тоже бывали здесь, сыграть что-нибудь для Рудика из его любимых композиторов, а когда магазин оказывался пуст и она сама была свободна, то садилась за рояль и играла для Нуреева. Так у Рудольфа появился еще один интересный и верный друг. Рудик часто задерживался до закрытия магазина и, провожая Елизавету Михайловну до трамвая или автобуса, нес сумку с ее вещами.

Елизавета Михайловна и ее муж, Вениамин Михайлович Пажи, были бездетны. Совершенно естественно, что, познакомившись с искренним юношей, они изливали на него свою неистраченную родительскую любовь и всячески стремились ему помочь.

Именно тогда, в середине 1950-х, у юного танцовщика появились и другие настоящие друзья. Речь пойдет о близнецах Любе и Леониде Романковых.

Они были ровесниками Нуреева. Только, в отличие от Рудольфа, родились в интеллигентной профессорской семье, жили в уютной ленинградской квартире и были окружены любовью. Брат и сестра Романковы проводили вместе с Рудольфом все выходные: ходили на его выступления, а когда он бывал свободен, отправлялись в музеи, театры, ездили за город. Леня оказался единственным, кто провожал Нуреева в «Пулково», когда труппа Кировского театра улетела в Париж.

Это Елизавета Михайловна из музыкального магазина нашла для Нуреева преподавательницу музыки, которая согласилась учить его бесплатно, и познакомила со сверстниками,

¹¹ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

с которыми он мог бы подружиться. Марина Петровна Савва, концертмейстер Малого Оперного театра, несмотря на занятость на работе и преподавание в музыкальной школе, сразу же согласилась давать Рудики уроки. Будучи музыкально одаренным, он охотно учился, и через четыре месяца уже играл «Элегию» Рахманинова. Муж Марины Петровны, Николай Александрович Савва, скрипач оркестра Малого Оперного театра, был доброжелательным и открытым человеком. Рудик с удовольствием навещал новых друзей. Саввы также были бездетной парой и к своим ученикам относились, как к собственным детям.

Любовь Мясникова, до замужества Романкова, в то время была студенткой Ленинградского политехнического института, где училась вместе с братом-близнецом Леонидом. Впоследствии она стала кандидатом физико-математических наук, специалистом по полимерам, членом ученого совета физико-технического института им. Иоффе Российской академии наук.

«Я познакомилась с Рудиком, кажется, в первый же год его появления в Ленинграде, – вспоминала она. – Он был очень одинок в чужом, пусть и красивом, но холодном городе с капризным мокрым климатом. В промозглые осенние или морозные бессолнечные зимние дни так привлекательны домашнее тепло и уют. Да и с солнечного веселого морозца норовишь быстрее добраться до дома. А у Рудика было одно холодное демисезонное пальтишко, из теплых вещей – только шарф, а вместо уютной квартиры – койка в интернате хореографического училища, где новичка-переростка встретили не очень-то дружелюбно.

Его тянуло на улицы города – разглядывать здания с их уникальными фасадами, знакомиться с гармонией классических архитектурных ансамблей, ему хотелось облазить все музеи, пересмотреть все спектакли, посетить все концерты, смешаться с толпой, стать своим в этом непостижимом городе, про который он столько слышал и куда так давно стремился.

Независимость и умение держаться по-царски, по-моему, просто родились с ним. Поэтому и помощь он принимал только ту, которую не считал унижительной. Жалеть он себя не позволял, да, собственно говоря, это чувство и не вызывал. Желание помочь – да. Причем помочь, дабы приобщиться к некоему божественному промыслу, так как на нем уже с молодых лет была печать избранности».

Люба Романкова увидела Рудика прежде, чем услышала о нем от подруги своей матери Елизаветы Михайловны Пажи: из-за большой любви к балету она посещала не только спектакли Кировского театра, но и концерты хореографического училища, проходившие несколько раз в сезон. Билеты стоили недорого: ведь театры находились на государственной дотации, и каждый мог позволить себе это удовольствие, было бы желание.

По словам Л. Мясниковой-Романковой, вечера хореографического училища бывали довольно продолжительными: каждому ученику давали возможность показать себя в разных амплуа. В первом отделении обычно ставился один акт из какого-нибудь классического балета, а второе и третье отделение составляли концертные номера: па-де-де, вариации и характерные танцы.

В один из таких вечеров она и увидела Рудика, в ту пору еще ученика Ленинградского хореографического, танцующего Актеона из «Эсмеральды». Его партнершей в тот вечер была Алла Сизова, и танцевали они оба прекрасно.

На одном из концертов хореографического училища Люба оказалась вместе с Елизаветой Михайловной Пажи. В перерыве к той подошел невысокий изящный юноша с еще влажными волосами (он только что вымылся и переоделся после выступления), с которым Елизавета Михайловна тут же познакомила Любу. Это был Рудик Нуреев.

По просьбе Елизаветы Михайловны его пригласили в дом Романковых на воскресный обед. На первый взгляд семья была весьма технарская. Но только на первый взгляд. Дед Любы и Леонида, воспитанный еще в конце XIX столетия, был не только классически образован (знал латынь, немецкий, французский, английский), но и разносторонне одарен: играл на рояле, рисовал, писал стихи. Мать обладала красивым меццо-сопрано. Они с дедом часто устраи-

вали домашние концерты. Родители были заядлыми театрами, старались не пропустить ни одной премьеры. Их дети интересовались всем: охотно учились, занимались спортом, бегали по выставкам, концертам, спектаклям, музеям. Это было время пресловутой хрущевской «оттепели». Все казалось молодым людям захватывающе интересным, впереди была большая жизнь, горизонты которой даже не проглядывались.

После обеда Люба с братом пригласили Рудика остаться еще посидеть и поболтать. Юноша им понравился – он не походил ни на кого из их окружения, и это делало общение с ним особенно интересным.

Рудик держался с достоинством, очень независимо и в то же время скромно. Любе, которая восемь лет занималась в школьном балетном кружке, было особенно интересно расспросить его о жизни в училище, о занятиях, классах, педагогах. Уже миновала полночь, а молодые люди все болтали и болтали...

Эта первая встреча положила начало их многолетней дружбе. Рудольф описал ее в «Автобиографии», изданной на Западе, где из соображений безопасности для своих друзей вывел их под фамилией Давиденко (Давиденков – фамилия Любиного деда). Эту книгу Романковым тайком переслали из-за рубежа, и спустя годы Любовь Мясникова прочитала о чувствах, которые испытывал друг ее юности Рудик после их первой встречи:

«...Я возвращался домой в училище после вечера, проведенного в семье Давиденко. Никогда и нигде более не встречал я такой спокойной просветленной культурной атмосферы. Мы говорили обо всем на свете, и мои новые друзья проявляли искренний интерес и глубокие знания к вещам, лежащим далеко вне сферы их занятий. Это был чудный вечер, после которого я возвращался в училище пешком по красивейшим местам города. Мои новые друзья, и белые ночи, и эти торопящиеся куда-то облака, деловито мчащиеся по небу так, как будто они знали, куда они торопятся, все это наполняло меня радостью. И я вдруг тоже почувствовал, что я знаю, куда я тороплюсь. Жизнь моя, порою казавшаяся мне бессмысленной, представилась мне вдруг вполне определенно направленной...»¹².

На следующий день Рудольф уезжал на конкурс в Москву, где впервые имел огромный успех...

Встретившись через двадцать восемь лет, друзья опять вспоминали тот вечер. Рудольф признался, что тогда завидовал Романковым, родившимся в семье, где их с детства окружали книги, где они могли столько знаний получить от родителей. Любе же все, что окружало ее и брата, казалось обычным, в порядке вещей. Она не ощущала своего преимущества перед другими, а в силу юношеской эгоцентричности и вовсе не придавала значения семье, более того, даже чаще отвергала семейный опыт.

* * *

Наступил конец года. Каждый ученик Пушкина должен был подготовить вариацию для заключительного экзамена на Кировской сцене. Поначалу Пушкин решил не показывать Нуреева на этом концерте, считая (может справедливо?), что тот еще не готов к столь серьезному испытанию. Но Рудольф не терял надежды. Несмотря на очень напряженное расписание, он еще отдельно работал над мужской вариацией из па-де-де Дианы и Актеона (балет «Эсмеральда»).

¹² Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

«Великая Ваганова всегда считала, что вариация – это лучшая возможность показать, на что способен танцовщик», – любил повторять Рудольф. Однажды вечером юноша уговорил педагога прийти в класс и посмотреть его работу. И когда вариация закончилась, Пушкин все-таки разрешил Рудольфу принять участие в заключительном концерте. После успешного выступления здесь никто не сказал Рудольфу ни одного лестного слова, но он знал: в этой, наиболее требовательной из всех школ молчание уже само по себе означает одобрение. Первая битва была выиграна!

После этого Пушкин стал смотреть на своего ученика другими глазами. Нуреев уговорил его позволить ему самостоятельно выбирать те балеты, в которых он хотел бы станцевать. Его выбор пал на классику: «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Жизель», «Корсар»... С января до мая Рудольф получил право, предоставляемое лучшим ученикам, танцевать ведущие партии в девяти балетах. Все его ленинградские друзья приходили на эти спектакли, и не только они: каждый раз поклонники молодого танцовщика поджидали Нуреева у театрального подъезда.

В 1956 году лучшие ребята из балетного кружка уфимского Дома пионеров, всего двенадцать человек, поехали в Ленинград со своим педагогом Еленой Войтович и костюмером Надеждой Климовой. Им разрешили поприступствовать на уроке в хореографическом училище, где занимался Нуреев. О своих впечатлениях годы спустя рассказала Ирина Фомичева – дочь Н. Климовой, занимавшаяся в этом кружке. В ту пору она была десятилетней девочкой.

Рудольф Нуреев в балете «Лебединое озеро»

«В классе мальчиков он заметно выделялся прыжками и чистотой движений, какой-то необыкновенной энергией.

Фактически-то на том уроке концертмейстер для него играл: Рудик прыгал, Рудик висел, Рудик опускался для того, чтобы тотчас взлететь. Прыжки у него были, может быть, не очень высокие, но своеобразные: он прыгнет и висит. По-нашему, это «баллон» или «элевация» –

способность балетного танцора зависать в воздухе. Скорее всего, это было дано ему от природы и поначалу делалось неосознанно. Рудик, к счастью, попал в нужное место в нужное время, и все его природные способности блестяще реализовались.

Нас поселили в одной из ленинградских школ, и Рудик приходил к нам по вечерам после уроков, если не был занят в спектакле. Сам он жил в общежитии, денег явно не хватало, и мы его подкармливали: масло в баночку складывали, хлебом делились, колбасой. Играли все вместе. Рудик нам что-то показывал, чему-то учил. А потом он сделал нам большой подарок: провел нас в Мариинку. Мы посмотрели балет «Каменный цветок». Сначала нас не хотели пускать. «Я – Нуреев», – сказал он билетеру. И та ответила: «Хорошо, проходите». И мы всей ватагой, двенадцать человек, влетели на галерку. Вот это тоже отложилось у меня в памяти: «Я – Нуреев!».

Девятый класс училища должен был стать для Рудольфа последним. Но по совету своего педагога он остался еще на год: Пушкин считал, что его ученик многому еще может научиться, и оказался прав.

Кумирами сцены тех лет для молодого танцовщика были балерины Алла Шелест, Наталья Дудинская, Нинель Кургапкина и Ольга Моисеева. По признанию Рудольфа, от Дудинской и Кургапкиной он перенимал техническую виртуозность, от Шелест и Моисеевой – глубину создания образа. Утром, когда учащиеся приходили в класс, Нуреев, как правило, был уже там. Его товарищи заставляли удивительную картину: он занимался тем, что протанцовывал женские вариации, виденные им накануне в спектаклях Кировского театра в исполнении Дудинской и Кургапкиной.

О подобных эпизодах весьма своеобразно рассказывал Михаил Барышников: «У него было мало друзей в Ленинграде. (Мы уже убедились в том, что это утверждение неверно. – *Авт.*) Люди считали его странным. Такой страстный, такой темпераментный... И уже тогда у него было что-то вроде сексуальной двусмысленности. Позднее на Западе это стало частью его сценической экзотики. Но там, в России, в конце 50-х годов, это была не экзотика, это была проблема. Хотя он и не обращал на это внимания. Это было его, он позволял себе быть таким. Перед уроком, когда все уже были в классе, разогреваясь, он мог позволить себе исполнить женскую вариацию, вариацию Китри из первого акта «Дон Кихота», всю, полностью, щегольски. Стоящие вокруг изумлялись».

Хочется заметить, что обо всех этих подробностях Барышников знал с чьих-то слов. Будучи на десять лет младше Нуреева, он поначалу осваивал науку танца в Рижском хореографическом училище, а в Ленинградском появился лишь в 1964-м. То есть в то время, когда Рудольф уже более трех лет танцевал на Западе...

Увлечение техникой женского танца, утверждают балетоведы, помогло Нурееву во многом изменить мужской танец. Его подъем на высокие полупальцы привнес в мужской танец совершенно иную графику, придав телу танцовщика линии необыкновенной красоты. Но в этом его поиске ни в коем случае не было прямого подражания балерине.

* * *

О том, что в годы обучения в училище у Рудольфа была девушка, говорится не столь часто, однако этот факт не подлежит сомнению. Хорошенькая, очень общительная и темпераментная кубинка Мения Мартинес, дочь профессора английской литературы Гаванского университета и его однокурсница, долго не решалась общаться с Нуреевым, зная о его вспыльчивости, дикости и непредсказуемости. Их более близкое знакомство произошло в доме одного из преподавателей. Как только они заговорили друг с другом, то обнаружили, что у них много общего. «Все считали его диким, – рассказывала Мения, – но он обладал невероятным интеллектом. Любил книги, классическую музыку и старинную живопись. Я поражаюсь, откуда у

него такая культура, такая восприимчивость? Откуда это в деревенском мальчишке, сыне крестьянских родителей?».

Рудольфа привлекала экзотичность Мении, ее принадлежность к другому миру, совсем не похожему на тот, в котором он вырос. Мения приучила его пить крепкий кофе, добавляя в него для вкуса дольку шоколада, научила изысканно одеваться. Она танцевала зажигательные кубинские танцы, пела под гитару... По выходным они вместе ходили в кино и в театр или навещали общих друзей.

Молодых людей часто видели обнимающимися или целующимися, но между ними, если судить по рассказам Мении, никогда не было ничего более серьезного. Она вспоминала, как однажды Рудик сравнил ее с итальянской кинозвездой, красавицей Джиной Лоллобриджидой.

– Почему ты так назвал меня? – спросила она.

– Потому что у тебя фантастическая грудь.

«Тогда я впервые почувствовала, как от Рудольфа исходит что-то сексуальное, – открывничала кубинка. – Он часто меня целовал, но я никогда не пылала к нему страстью. Мы признавались друг другу в любви, но я не хотела физической близости, и Рудик это понимал... Я была латиноамериканкой, и для меня было обязательным условием выйти замуж, прежде чем заниматься любовью. Рудольф меня прекрасно понимал и уважал мое решение. Он говорил мне: «Ты еще маленькая. Закончим школу, поженимся». Я любила его за то, что таилось у него внутри».

Замечательный эпизод для утверждающих, что Нуреев с самых юных лет обладал всевозможными пороками! Между тем жил он в достаточно целомудренном обществе и поначалу действительно, вольно или невольно, являлся носителем нравственных ценностей этого общества.

«Я никогда не слышала никаких разговоров о том, будто Рудик гомосексуалист, – рассказывала Мения Мартинес, – и он никогда со мной не говорил ни об одном мальчике. По моему, если бы у него были какие-нибудь интересы, он мне рассказал бы».

Возможно, действительно рассказал бы... Что касается происходящего тогда между Менией и Рудольфом, то кто поручится сегодня, что кубинка ни в чем не покривила душой? Ведь не каждая женщина способна признаться на весь мир в близких отношениях с кем-либо, будь он даже самым Рудольфом Нуреевым!

«Она была совершенно очаровательной девушкой, похожей на Мадонну Врубеля, – говорила о Мении Любовь Романкова. – Очень темпераментная и по уши влюбленная в Рудика, который очень чутко к ней относился. По-моему, он много лет питал к Мении нежные чувства».

«После хореографического училища я занималась пением и имела большой успех, – рассказывала Мения годы спустя. – Он все время ходил ко мне на концерты. И как-то сказал: «Я буду завтра танцевать «Лауренсию» с Натальей Дудинской. Надеюсь, ты будешь так же любить меня на сцене, как я любил тебя, когда ты пела».

Любил ли Рудольф свою кубинку по-настоящему, остается под вопросом. Но то, что он на самом деле хотел на ней жениться и чуть было не сделал этот шаг, – факт, не подлежащий сомнению. Нуреев не раз заговаривал с Менией об их предстоящем браке. Сегодня кое-кто высказывает предположение, что он просто видел в этой женитьбе шанс эмигрировать – сначала на Кубу, а потом... Но кто поручится за это? Позднее, уже за рубежом, танцовщик утверждал, что намерений уехать из СССР у него не возникало, и не верить его словам нет оснований.

Мения тянула с окончательным ответом и в конце концов не приняла его предложения. Когда девушке предстояло улетать домой из Москвы, Рудольф поехал провожать ее. Они отправились из Ленинграда в Москву в «Красной стреле», совсем одни в купе, и на протяжении всего пути обнимались и целовались. На сей раз Мения была не против того, чтобы рас-

статься с девственностью, но ее возлюбленный сказал: «Нет, лучше не надо. Я слишком тебя уважаю. Я не хочу причинять тебе боль».

Влюбленные заснули в объятиях друг друга. В аэропорту Рудольф обнял девушку, поцеловал и расплакался.

– Я больше никогда не увижу тебя! – сказал он.

И все-таки они встретились позже, и не раз. Во время фестиваля танца в Вене, куда Рудольф приехал с другими молодыми солистами Кировского театра, они практически не расставались с Менией в течение нескольких дней.

– Может быть, поженимся здесь, в Вене? – предложил Рудольф.

Но девушка вновь не решилась связать с ним свою судьбу. Она считала, что они слишком молоды (если это не было просто отговоркой). К тому же ее в то время больше волновали происходящие на Кубе перемены, чем Рудольф. «В глубине души я боялась его, – призналась Мения годы спустя. – Надо было уметь выносить его нетерпение. К тому же у меня было ощущение, что, если мы поженимся, я должна буду следовать за ним и не смогу сделать карьеру». Вероятно, так бы и случилось...

В следующий раз они встретились уже в 1966-м в Париже. Мения приехала с Национальным балетом Кубы на гастроли, и Рудольф пришел на спектакль в Театр Елисейских Полей. Они провели вместе некоторое время, прячась от фотографов. О чем они говорили на этот раз, никто не знает...

Рудольф и Мения Мартинес расстались. Но остались близкими друзьями, по признанию Мении. Она не раз видела его в спектаклях за рубежом, бывала в его парижской квартире. «Рудинька» и «Меньюшка», как они называли друг друга, пронесли через всю жизнь самые теплые чувства к тому, кем были увлечены в юности...

* * *

После Всесоюзного конкурса артистов балета в Москве в апреле 1958 года и выпускного экзамена в училище о Нурееве всерьез заговорили в театральных кругах. Рудольф подготовил для конкурса па-де-де из «Корсара», вариацию из «Гаянэ» и па-де-де Дианы и Актеона из «Эсмеральды». Три эти номера, совершенно различные по настроению и требующие высокой техники, буквально покорили публику.

«Наступил вечер конкурса, и я имел большой успех. Впервые в моей жизни публика потребовала повторения. Это было после исполнения па-де-де из «Корсара». Я станцевал еще раз, и аплодисменты стали еще сильнее. Это было опьяняюще. И каким легким, неожиданным казался мне в те дни танец, поддерживаемый вдохновением!»¹³.

Триумф оказался полным. Педагоги и самые яркие ученики Ленинградского хореографического подходили к Нурееву после выступления, чтобы поздравить его. Владимир Васильев, считавшийся в то время лучшим молодым танцовщиком Большого театра, сказал ему со всей искренностью: «Рудольф, ты поразил и пленил нас!». Нуреев почувствовал, что побледнел: его радость от собственного успеха оказалась столь велика, что он был совершенно потрясен.

«В нем жила колоссальная сила и динамизм, – годы спустя скажет В. Васильев о Рудольфе Нурееве, вспоминая тот конкурс. – Его надо было видеть живьем, ведь когда смотришь съемки того времени, они не передают того эмоционального накала».

¹³ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

На следующий день после конкурса в Москве его организаторы решили включить номер в исполнении Нуреева в фильм о русском балете. Фильм был назван известной строкой А.С. Пушкина: «Душой исполненный полет». В нем Рудольф вновь танцевал па-де-де из «Корсара».

Через год этот фильм демонстрировали в Уфе. Сестра Рудольфа прислала брату письмо, в котором призналась: она никогда не осмеливалась и мечтать, что он будет так танцевать! Молодой танцовщик надеялся, что мать тоже гордилась этим выступлением. Но в семье Нуреевых бытовало негласное правило: здесь никогда не говорили вслух о том, что казалось особенно дорогим. Может быть, чтобы не сглазить...

В июне 1958 года на сцене Кировского театра прошли выпускные спектакли Ленинградского хореографического училища. Рудольф исполнял на них па-де-де из балета «Корсар» с Аллой Сизовой, вариацию из балета «Лауренсия», фрагмент из балета «Гаянэ».

Овация, завершившая их с Аллой Сизовой выступление на выпускном экзамене, по словам очевидца, «сотрясала стены». «И ведь это был всего лишь ученический дуэт. Я больше ни разу не слышал подобных оваций в этом театре», – вспоминал этот любитель балета. Зал просто ревел от восторга, рукоплещая феноменально одаренному юноше, всего за три года до того приехавшему из Уфы и в возрасте семнадцати лет впервые начавшему серьезно заниматься классическим танцем.

Подробности того вечера навсегда запомнила близкий друг танцовщика Любовь Мясникова-Романкова: «Они идеально оттеняли друг друга. Она – бледная, изящная, сдержанная. Он – загорелый, мускулистый, темпераментный. Грим был совершенно натуральный и очень красивый.

Рудик нервничал ужасно, но думаю, его волнение прошло при первых звуках музыки, переплавилось в движение, в зависающий неповторимый прыжок, в неповторимое гранд жете, какое умели делать только ученики Пушкина (Жете – движение в балете, основанное на броске ноги в покое или в прыжке. Гранд жете можно перевести как «большой бросок». – *прим. авт.*). Я помню, как возрастало мое волнение и сердце громко колотилось от страха, что Рудик «заиграется» и «смажет», не застынет после бешеного движения в нужной позиции.

«Корсар» имел успех грандиозный. Легкость и стремительность прыжков, способность как бы висеть в воздухе, чем позже он покорила мир, страстность танца и умение перевоплощаться сделали то, о чем Рудик мечтал, – ему предложили остаться в труппе Кировского театра, причем не в кордебалете, через который, как через необходимую ступеньку в артистической карьере, проходили все окончившие училище, а солистом, – честь, которой до него удостоились лишь Фокин и Нижинский».

Если точнее, после этих блестящих выступлений Нуреева пригласили в свои труппы и Кировский, и оба московских музыкальных театра, имени Станиславского и Большой. Причем все – сразу на ставку ведущего солиста! В дополнение к сказанному надо признать, что за тридцать три года на сцене Нуреев так ни разу и не танцевал в кордебалете.

Выбор Рудольфа пал на ставший уже родным Кировский театр. Немало способствовала этому решению и блистательная Наталья Дудинская, которая после экзамена подошла к нему и призналась: ей хотелось бы станцевать с ним в «Лауренсии».

– Не будь глупым, – не без женского кокетства обронила прима-балерина, – не выбирай Большой, оставайся здесь, и мы будем танцевать с тобой вместе.

Стать партнером балерины такого уровня и такой известности было для молодого солиста и поддержкой, и солидным авансом. Наталье Михайловне в то время – уже сорок пять, Рудольфу – всего двадцать, но он не подведет. В своей первой «звездной» роли он покажет себя надежным партнером прима-балерины Кировского театра!

«Прежде чем сесть в поезд на Ленинград, он помчался в Большой театр посмотреть Плисецкую в первом акте «Лебединого озера», – наивно сообщает Диана Солуэй в своей книге о Нурееве¹⁴.

Автор, пишущий о балете, кажется, нисколько не подозревает о том, что Одетта, героиня Плисецкой, не участвует в *первом* акте «Лебединого», появляясь на сцене только во втором!

* * *

Наступил август. Рудольф работал весь год с таким напряжением, что теперь ему хотелось только одного: расслабить свои мышцы, попринимать грязевые ванны и ничего не делать. В полном одиночестве он отправился в Крым. Но едва успел распаковать вещи, как, будто гром среди ясного неба, пришла неожиданная телеграмма. В ней говорилось, что он должен явиться в Уфу и танцевать в Башкирском оперном театре, дабы возместить свой долг перед Башкирской республикой за ее помощь в годы обучения – половину стоимости за учебу.

И это после такого успеха, о котором несколько недель подряд говорили в Москве и Ленинграде? Рудольф почувствовал, что не может просто так принять этот голый приказ, присланный в телеграмме. И, не откладывая, первым же самолетом вылетел в столицу и ринулся в Министерство культуры, требуя хоть какого-нибудь объяснения этому внезапному и совершенно неожиданному изгнанию.

Его приняла женщина, которая ни слова не добавила к тексту телеграммы:

– Вы должны выехать в Уфу и танцевать там, и тем вернуть свой долг.

Напрасно Рудольф пытался убедить ее, объяснить, что недавние события радикально изменили все направление его карьеры и было бы нелепо разрушать ее возвращением в Уфу, где все, чему он научился в Ленинграде, вскоре будет полностью потеряно. Дама из министерства даже не захотела слушать молодого танцовщика, а просьба все-таки оставить его в труппе Кировского театра была сразу же отклонена. (Позднее Нуреев узнал, что эта дама была на следующий же день уволена из Министерства культуры без всякого объяснения причин.)

¹⁴ Солуэй Д. «Рудольф Нуреев на сцене и в жизни. Превратности судьбы» /Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2000.

Рудольф Нуреев с Аллой Сизовой в балете «Корсар». 1958 г.

«С самого начала Шелков был несправедлив ко мне и унижал меня при любой возможности. Некоторых ребят он подбадривал, постоянно поглаживая по голове и настаивая, чтобы они не перенапрягались. Ко мне же относился как к неполноценному подкидышу из местного сиротского приюта; "провинциальное ничтожество" – так он любил называть меня. "Не забудь, напоминал он, – что ты учишься здесь только благодаря нашему добросердечию и благотворительности училища"».

Что оставалось делать? Возникло единственно возможное на тот момент решение: оставалось воспользоваться приглашением Большого театра. Рудольф отправился на прием к директору театра, который тут же предложил ему поступить в труппу.

Обнадеженный танцовщик сразу же вылетел в Ленинград, чтобы забрать свои вещи и попрощаться с друзьями, перед тем как навсегда переехать в Москву. Но когда директор Кировского театра узнал, что Рудольф в городе, сразу же пригласил его в свой кабинет и произнес спокойно и сухо:

– Нуреев, почему вы ведете себя так глупо? Никогда не стоял вопрос о вашем увольнении. Распакуйте свои вещи и оставайтесь здесь с нами. Ваша зарплата ждет вас.

Рудольф не верил своим ушам. Он, разумеется, не знал о том, что руководителю Кировского театра с огромным трудом удалось оставить его в труппе, используя все свои связи. Но интуиция подсказывала ему, что лучше не задавать лишних вопросов, а остаться здесь. Спустя неделю, когда в Ленинград пришел официальный контракт из Большого театра, молодой танцовщик несколько растерялся. Рудольф понял, что, сам того не желая, приобрел себе еще несколько могущественных врагов...

Глава 3

В Кировском театре. Успех и зависть

Итак, 25 октября 1958 года Рудольф дебютировал в Кировском театре. Он танцевал паде-труа в «Лебедином озере» с Нонной Ястребовой и Галиной Ивановой. Но настоящий дебют, настороживший других мужчин-солистов, состоялся на месяц позже: 20 ноября Нуреев выступил в «Лауренсии» в партии Фрондосо, огненного испанца в черном парике. Прямо со школьной сцены он попал в исполнители заглавной партии в одном из эталонных спектаклей и, как и предполагалось, в паре с Натальей Дудинской. Успех, какой редко выпадает на долю начинающего артиста, оказался огромным.

«Он выучил роль очень быстро, – вспоминала Дудинская о Фрондосо-Нурееве через много лет на фестивале «Белые ночи». – Я подумала, что он подойдет на эту роль с его темпераментом, молодостью и техникой. Я уже танцевала «Лауренсию» с Чабукиани, который поставил ее для меня, и с Константином Михайловичем, который был очень, очень сильным (имеется в виду К. Сергеев, премьер Кировского театра, постоянный партнер и муж балерины. – *прим. авт.*). И я беспокоилась, удержит ли меня Рудик в некоторых поддержках, ведь это было его первое выступление в главной роли. Но он был внимательным и держал меня очень хорошо. Он оправдал все мои ожидания».

«Странно, но после школы он оказался уже настоящим сформировавшимся танцовщиком и хорошим партнером, – подтверждала и другая балерина, Нинель Кургапкина. – Ему не надо было объяснять, куда девать руки, куда девать ноги, как держать, говорить: «Не падай подо мной...» Не обходилось, конечно, без срывов, но вообще, в принципе, он был, наверное, прирожденный танцовщик во всем комплексе. Едва ли Дудинская взяла бы его в «Лауренсию», если бы он ронял ее».

Дебют Нуреева наэлектризовал атмосферу по обе стороны рампы. «Это было извержение Везувия, – рассказывал Александр Минц, однокурсник и приятель танцовщика, тоже впоследствии эмигрировавший. – Многие поклонники называли Рудольфа новым Чабукиани. Другие возражали – он лучше».

В судьбе легендарного представителя советского балета Вахтанга Чабукиани поначалу было много общего с судьбой Нуреева. Достаточно поздно, в тринадцатилетнем возрасте, он начал осваивать азы хореографии. Несмотря на возражения родных, считавших занятия танцем несерьезными, устроился стажером в труппу Тбилисского театра оперы и балета. Так же, как и Нуреев, в семнадцать лет поступал в Ленинградское хореографическое, только, в отличие от Рудольфа, его не приняли. Пришлось посещать вечерние курсы при училище. Через два года его перевели на дневное отделение, заметив несомненные способности и целеустремленность. За три года учебы Вахтанг полностью прошел всю девятилетнюю программу. Как и Нуреев, он стал постоянным посетителем библиотек, музеев и театров. С блеском окончив училище, вошел в состав балетной труппы Кировского театра и сразу же стал исполнять серьезные партии, часто танцуя в паре с Натальей Дудинской. Невысокий прыжок компенсировался в его танце стремительностью вращений и страстностью исполнения, что неизменно подкупало зрителей. В кругу друзей или в репетиционном зале этот остроумный грузин ради шутки мог встать на пуанты и блестяще исполнить женскую вариацию. Вроде бы полная аналогия с Рудольфом! Кроме, пожалуй, одной важной детали. Чабукиани остался верен Ленинграду, Кировскому театру и могучей державе под названием СССР, а потому его имя часто упоминалось в прессе, книгах по истории балета и телефильмах. До конца жизни он считался гордостью советского балета, Мастером с большой буквы, что не подлежит ни малейшему сомнению.

Что касается Нуреева, то поначалу молодому солисту еще не хватало, конечно, отточенности в движениях и уверенности в себе. Но Рудольф, может, в какой-то степени подражая Чабукиани, вкладывал в танец столько страсти и энергии, что все это зажигало публику. Даже суровые критики были вынуждены признать, что «такие дебюты бывают не часто».

«На сцену вышел танцовщик, обладающий великолепными природными данными – огромным прыжком, редкой гибкостью и темпераментом. Нуреев сразу продемонстрировал уверенное владение сложным, острым портретным рисунком и так захватил нас быстрым темпом танца, элементами полета, точной, порой ошеломляющей динамикой поз, что мы невольно думаем о большом будущем молодого артиста. Именно поэтому хочется видеть в его дебюте лишь первую вершину и первый набросок гордого, свободолюбивого характера Фрондосо. Хочется верить, что Нуреев расширит свои возможности с помощью серьезной работы, оправдаются возлагаемые на него надежды».

«Лауренсия»! – вспоминал Александр Минц. – За один вечер на балетном небосклоне вошла новая ярчайшая звезда. Пресса расточала восторги, зал бушевал овациями, а Дудинская одарила его высшим комплиментом мастера по отношению к начинающему: она отнеслась к Нурееву как к равному, стараясь скрыть кое-какие его промахи, вызванные неопытностью. Несмотря на разницу в возрасте и положение в мире балета, она не проявила никакой чопорности по отношению к своему молодому партнеру. Напротив, балерина танцевала свою коронную партию с потрясающей силой и самозабвением, словно черпая в душе полного творческих сил Нуреева новую энергию. В тот первый вечер совместной работы неопытность Рудольфа несколько раз ставила Дудинскую в затруднительное положение, что в балете всегда выглядит достаточно неловко. Балерина постаралась скрыть промахи партнера с щедростью профессионала, уверенного в своих силах. В одном из особенно сложных фрагментов па-де-де Нуреев опоздал совсем чуть-чуть и пропустил тот момент, когда должен был поддержать партнершу в сложном пируэте, Дудинскую выручила ее великолепная техника – она справилась с движением. Когда ситуация вновь оказалась под контролем, балерина одарила потрясенного кавалера своей великолепной улыбкой и продолжала танцевать».

Через два года после их первой «Лауренсии» Рудольф с изумлением наблюдал, как Дудинская в свои сорок девять лет виртуозно танцует юную Китри в «Дон Кихоте», партию, которая представляет собой самый настоящий технический фейерверк.

– Как тебе старушка? – спросил он позднее одного из приятелей. – Она всем показала, как надо танцевать!

Кстати, на одном из спектаклей «Лауренсии» присутствовали родители Рудольфа. «Разочарование моего отца, – рассказывала его сестра Розидя, – сохранялось до тех пор, пока он не увидел выступление Рудольфа на сцене Кировского театра в Ленинграде... Он понял, что это было то, чего хотел Рудольф, и что это его судьба».

Появление Рудольфа Нуреева в Кировском театре, как признавались его коллеги, так или иначе повлияло на всю труппу. Его страстное желание танцевать, быть лучшим, азарт, с которым он все делал, невольно заставляли подтягиваться всех остальных. На спектаклях с его участием всегда царила какая-то приподнятая, особенная атмосфера, это было ожидание праздника. Правда, некоторых танцовщиков раздражали его уверенность в себе, его независимость, его стремление найти свои способы выражения, свой почерк.

Это отразилось и на выборе костюмов. Нуреев оказался одним из первых в Советском Союзе, кто вышел на сцену в одном трико и танцевальном бандаже (большинство танцовщиков в то время носили «для благопристойности» мешковатые короткие штаны или особого сорта трусы под трико). Но для Рудольфа, подчеркивают коллеги, его тело было атрибутом его техники, он хотел показать его.

Большинство танцовщиков того времени в СССР были более массивными, плотными и крепкими. Рудольф оказался иным.

Он вытягивал свое тело, удлинняя линии, вставал на высокие полупальцы и тянулся вверх. «Он делал себя сам высоким, элегантным и красиво сложенным, – пояснял Михаил Барышников. – В то же время он был мужественным. Некоторые утверждали, что у него ноги не такие длинные, как должны были бы быть, что у него слишком развиты мускулы икр и действительно мужской зад. Но это было хорошо, очень по-мужски, очень по-земному. В конце концов этому вытянутому вверх внешнему виду Рудольфа стали подражать многие танцовщики».

«Нуреев первым из мужчин-танцовщиков исполнял пируэты на высоких полупальцах, – подтверждает Владимир Васильев. – Я считал, что красота пируэтов заключается в количестве оборотов. Но, увидев Нуреева с его удивительными пируэтами на очень высоких полупальцах, я уже больше не мог выполнять их на низких. Я стал высоко подниматься на пальцах и делать меньше оборотов, восемь-девять вместо обычных двенадцати-тринадцати, но это совсем другая эстетика, красивей и чище. Посмотрев на него, я начал обращать гораздо больше внимания на положение своих ступней».

Перенимание опыта, тем не менее, не удержало Васильева от отрицательного высказывания о Рудольфе: «Он признавал похвалы только в свой адрес, и поэтому люди его не любили. В нашей системе не любят, когда кто-то выделяется. Он считал себя лучше любого вокруг и очень оберегал свою славу. Мы считаем это дурным вкусом. Мы работали, и все были равны».

Молодой танцовщик приобрел огромное число поклонников, которые приходили на его спектакли, не жалея букетов для своего любимого артиста. Нинель Кургапкина, которая танцевала с ним в «Дон Кихоте», рассказывала: «Роз было так много, что я рисковала поскользнуться в конце сольной диагонали. Но Рудольф говорил, что не может контролировать своих поклонников. В следующий раз розы опять усыпали сцену. И я увидела, как Рудольф подбирает один цветок за другим, собирает все лепестки и только после этого скрывается в кулисе, чтобы уступить мне место...»

* * *

Той же осенью 1958 года в судьбе Рудольфа появился еще один близкий человек...

«Он сидит на ступенях Хореографического училища. Солнце играет в его волосах и падает на складки пиджака. Такой молодой. Такой неприкаянный. И такой настоящий».

Тамара Закржевская, сделавшая это поэтическое описание, окончила Ленинградский государственный университет по специальности филолог. Любительница и неплохой знаток балета, она видела Рудольфа на школьных спектаклях, восхищалась им во время выпускного экзамена, «когда Нуреев, гибкий мускулистый раб из «Корсара», невесомо взлетал над сценой, была совершенно покорена его исполнением роли Фрондосо в «Лауренсии», сама отказываясь верить, что этот блистательный танцовщик, ни в чем не проигрывающий в дуэте с Дудинской, – вчерашний школьник, танцующий в театре свою первую серьезную партию. О Рудике говорили, сравнивали его с Чабукиани, и мне казалось, что в жизни Нуреев должен быть каким-то необыкновенным, значительным, даже не знаю каким... Ну, что вот идет он по улице, блестящий, неотразимый, и затмевает всех, а девушки просто пачками в обморок – направо, налево...»

Однажды в антракте очередного балетного спектакля Тамара заметила в фойе одну из своих приятельниц, которая разговаривала с каким-то молодым человеком. Невысокий и очень юный, был он одет неброско. Тамара кивнула, проходя мимо, но вдруг услышала:

– А вот, Тамара, познакомься, это Рудик Нуреев.

Девушка на мгновение остолбенела. «Случается такое в жизни – смотрю и не могу поверить. Этот тоненький, совсем не «звездный» мальчик с лучистыми глазами – Нуреев?»

Тамара начала очень глупо и весело смеяться. Хохотала и ничего с собой поделывать не могла – такое случается в юности. Знакомая глядела удивленно, а молодой танцовщик явно

смутился. Тамаре пришлось извиниться, произнести какой-то дежурный комплимент, и собеседники разошлись в разные стороны, наверняка недовольные сами собой.

Через несколько дней Тамара вновь столкнулась с Рудольфом, на сей раз у билетной кассы в вестибюле театра. Поздоровавшись с девушкой, он внимательно посмотрел на нее и спросил с улыбкой:

– Скажите, вы так смеялись... Почему?

– Я представляла вас совсем не таким.

– Вы думали, что я высокий, красивый и черный?

Они вместе вышли из театра, а потом просто шли по улице и разговаривали. Перед тем как расстаться, договорились сходить как-нибудь вместе в Эрмитаж.

С этого момента началась их дружба, длившаяся в течение трех лет. Вместе ходили в музеи, в театры и кино, очень часто – в филармонию.

«В Рудике было одно совершенно поразительное качество: несмотря на нехватку академического образования, он обладал безукоризненным вкусом и постоянно стремился узнать, увидеть, прочесть что-то новое, пополнить пробелы в своих знаниях. Я ни разу не слышала от него слова «скучно». Наоборот, Рудик всегда не хватало времени. И были, конечно, у него свойства просто необъяснимые, то, что называется «от Бога» – это, прежде всего, понимание классической музыки, живописи, архитектуры. В детстве Рудик не получил, да и не мог получить представления о том, что такое Бетховен, Гендель, Бах, тем не менее в его лице филармония обрела очень преданного и благодарного слушателя. Я погрешила бы против истины, если бы стала сейчас утверждать, что, дескать, Рудик хорошо знал литературу. Но интерес его был действительно огромен. Я училась на русском отделении филфака, и первый вопрос, неизменно звучавший каждый раз, когда мы встречались, был: «Ну, что вам сегодня рассказывали?» И я пересказывала ему лекции по специальности».

Однажды на курсе Тамары преподаватель прочел необычайно интересную лекцию о творчестве Даниэля Дефо, и студентка почти слово в слово повторила ее Рудольфу. Он слушал с открытым ртом, а потом спросил: нельзя ли ему тоже ходить в университет? Научный руководитель Тамары, профессор Е.И. Наумов, разрешил ему посещать занятия, и когда у молодого солиста не было репетиций, он являлся в аудиторию вместе с ней. Особенно большой интерес Рудольф проявлял к русской литературе 1920–1930 годов. Как-то Тамара принесла ему из библиотеки томик стихов Бальмонта, и Нуреев открыл для себя этого поэта. Читал он взахлеб, а одно стихотворение даже сделал девизом своей жизни. Так и сказал: «Это про меня!» и гордо ткнул пальцем в страницу.

Ты хочешь быть бессмертным, мировым? —

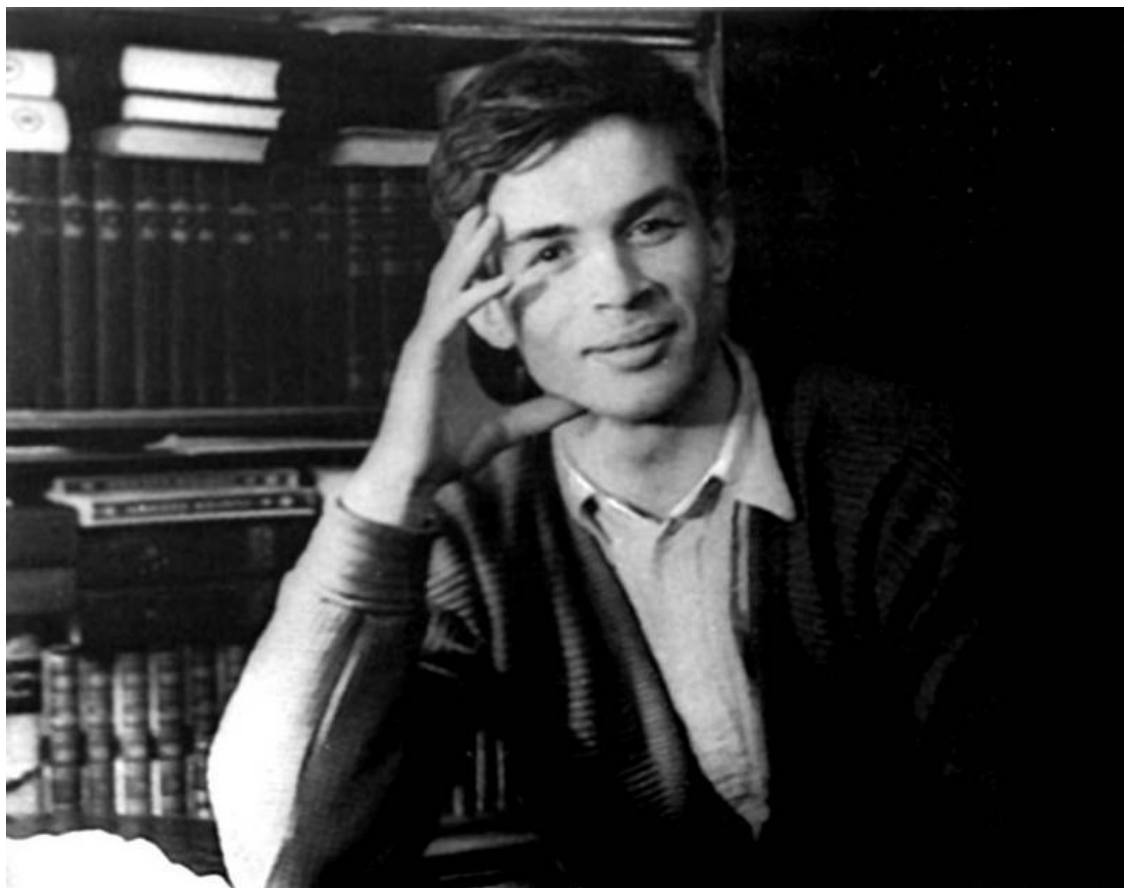
Промчись, как гром, с пожаром и дождями...

«Потом я приносила ему еще Северянина и Гумилева. И тоже восторг от первой встречи с творчеством замечательных поэтов. Затем был Максимилиан Волошин. Он тогда у нас не публиковался, но я откуда-то достала страниц сорок, отпечатанных на машинке. Рудик читал очень внимательно. Особенно ему понравилось стихотворение, начинавшееся словами: «Обманите меня, но совсем, навсегда...»

Мы много гуляли вместе. Часто на прогулки я брала с собой свой маленький фотоаппарат «ФЭД» и снимала Рудика. Фотографироваться он очень любил, всегда сам выбирал натуру, с удовольствием позировал. Так начала складываться моя любительская фототека с неизменным персонажем – Рудиком. Потом я стала брать фотоаппарат и в театр, пыталась снимать во время действия.

Некоторые фотографии выходили вполне удачными. Мы с Рудиком придумывали им названия. Так, снимок, где Рудик, подобно киношному итальянскому беспризорнику, кар-

тинно виснет на решетке Михайловского сада, назывался у нас «Ищу работу», тот, где он печально глядит на собственное отражение в пруду – «Нарцисс» и т. д.

Рудольф Нуреев. 1959

Моя приятельница, фотограф из Кировского Люся Никонова, проявляла для меня пленки и распечатывала удачные фотографии..»

К тому моменту, когда Рудольф стал невозвращенцем, у Тамары собрался уже довольно солидный фотоархив его творческой и личной жизни. К сожалению, большая часть этого архива была уничтожена отцом Тамары после суда над ее другом. Погибли уникальные снимки, а также эскизы костюмов, нарисованные Рудольфом к первому акту «Жизели». После того как Нуреев остался во Франции, его костюмы «по наследству» перешли к тогда еще совсем молодому артисту, тоже ученику Пушкина, Сергею Викулову.

Фотоархив Тамары обрел впоследствии второе рождение. Негативы оставались у фотографа Люси, и много лет спустя ей удалось переправить их и часть других фотографий на Запад Рудольфу. Тамаре часто приходилось видеть собственные снимки с надписью «автор неизвестен» в западных изданиях и фильмах...

Но некоторые фотографии остались у нее навсегда. Как остались навсегда и воспоминания о юности, освещенной светом столь искреннего и трогательного чувства, что перехватывает дыхание.

«Он хотел стать полубогом, и этот полубог, созданный сперва его фантазией, материализовался и стал управлять его поступками и устремлениями. Для западного зрителя он был и остался легендой, чужой, но почти своей, легендой, которая не живет, как все люди, которую носят на руках и которая обязана вечно сиять со своего недоступного Олимпа славы, денег и благополучия. А для нас? Каким он остался для нас?».

* * *

Зимой 1958/59 года Рудольф должен был станцевать «Лауренсию» еще раз. Но накануне спектакля, после тяжелого дня самостоятельной работы, бесконечного повторения всех вариаций, произошел несчастный случай: танцовщик порвал связки на правой ноге. Эта травма поначалу показалась ему абсолютной катастрофой: Рудольф знал, что очень часто мускульные повреждения такого рода могут оказаться неизлечимыми. Мысль, что можно поправиться после такого тяжелого повреждения, даже не приходила ему в голову.

Нуреев был убежден, что его нога никогда больше не ступит на сцену. Доктор Кировского театра отправил его в больницу и заявил, что он не сможет танцевать в течение двух лет. Юноша лежал на больничной кровати, и при мысли, что он так долго не сможет выходить на сцену, им овладело мрачное отчаяние. Александр Иванович Пушкин, пришедший навещать его, увидел, каким несчастным ощущает себя Рудольф, и решил забрать его из больницы и поселить у себя. Благородный поступок педагога тем более ценен, когда знаешь, в каких условиях жили Пушкины. Александр Иванович с женой, артисткой театра Ксенией Юргенсон, занимали всего одну комнату в коммуналке в здании на Зодчего Росси, где находилось и училище. В этой комнате со старинной мебелью красного дерева Рудик устроили место на раскладушке, которая утром убиралась за ширму. Но похоже, о каком-то неудобстве из-за тесноты никто у Пушкиных не думал, «...вся жизнь здесь была заполнена искусством и ему же подчинена, – свидетельствовал другой ученик Александра Ивановича, Геннадий Альберт. – Бесконечные обсуждения репетиций, спектаклей, рассказы о знаменитых танцовщиках прошлого и общение с нынешними балетными «звездами», атмосфера доброжелательности и гостеприимства создавали ауру дома Пушкиных».

Рудольфу вновь повезло на хороших людей! Только благодаря бдительной заботе любимого учителя и его жены, ежедневным визитам врача он уже через двадцать дней смог пойти на занятия. Еще через три недели опять начал работать. Это казалось чудом! «Но доброта Пушкина имела для меня и другие далеко идущие последствия: я почувствовал, что нашел свой дом, а проблемы повседневной жизни впервые отошли на задний план, как бы исчезло основное напряжение, – признавался Рудольф. – Больше, чем когда-либо раньше, я радовался, что могу свободно отдать себя танцу».

Молодой солист осваивал все новые и новые партии репертуара. За те три года, которые он проработал в Кировском театре, он перетанцевал почти все мужские сольные партии: Армен в «Гаянэ» и Фрондосо в «Лауренсии», Зигфрид в «Лебедином озере», Альберт в «Жизели», Солор в «Баядерке», Базиль в «Дон Кихоте» и Принц в «Щелкунчике». Обычно балетные артисты разучивают в сезон не больше одной-двух партий, но Рудольф побил все рекорды. При этом он все время оставался недоволен тем, что мало танцует. Кто-то из друзей рассказывал, что однажды встретил его на улице: «Рудик! Привет! Как дела?»

Недовольный Нуреев грустно ответил:

– Плохо! Совсем не дают танцевать.

«И это в то время, когда две новые партии уже танцует, а одну разучивает!» – поражались приятели.

Рудольфа на протяжении всей его жизни прежде всего интересовало, как он сам выглядит на сцене. Но все же главным для него всегда оставалось искусство балета. И надо признать: в отличие от некоторых появившихся значительно позже молодых премьеров он всегда стремился увидеть спектакли с участием своих коллег, искренне радовался их удачам или огорчался просчетам. Только подлинный талант способен замечать чужие успехи и воспринимать их без зависти и недоброжелательства!

Ко многим в труппе Кировского театра Нуреев относился с большим уважением. Коллеги вспоминают очередной показ «Щелкунчика», когда главную партию танцевал Никита Долгушин. Рудольф так и светился участием, носился с камерой, снимал. Или премьеры «Ленинградской симфонии» Шостаковича с Габриэлой Комлевой в роли Девушки. Рудольф говорил товарищам:

– Надо пойти обязательно – Элла танцует...

Пробовал и заниматься с молодым танцовщиком из труппы, считая, что тот от природы намного более одарен, чем он сам, просто не использует свои данные как подобает.

Спустя годы Габриэла Комлева, прима-балерина Кировского балета и соученица Нуреева, выскажется о его человеческих качествах с жестокой определенностью: «В Рудике клочкотала жизненная сила плебея. И тяга его к культуре и цивилизации была того же плебейского свойства: захватить, сделать своим, экспроприировать. В этом Рудик оставался верен тем «социалистическим идеалам», от которых убежал...»

Возможно, это достаточно нелцеприятное высказывание о товарище юных дней имеет важные причины?

Спустя годы Нуреев расскажет своему приятелю и тезке, голландскому танцовщику и хореографу Руди ван Данцигу, как преподаватель Пушкин пытался свести его с молодой балериной Габриэлой Комлевой.

«Мы гуляли вместе по воскресеньям, сидели под деревом, – вспоминал Рудольф. – Она очень хотела, чтобы я проявил активность, но я не знал, что я должен делать, мне было ужасно неловко и страшно. Я умел работать, я работал и работал, я упражнялся в зале столько, что потом от усталости уже не мог говорить и валился с ног».

Да, в целом отношения молодого Нуреева с коллегами не очень-то ладились. «А причина тому элементарно проста: характер, – уточняла Тамара Закржевская. – Рудик, не злой по натуре, не избалованный, не завистливый, обладал, тем не менее, удивительно дрянным характером: вспыльчивым, колким, неудобным. Плюс отсутствие внешнего лоска, который могли бы дать образование или семейное воспитание. Рудик всегда оставался естественен, но естественность его была, как бы это поэлегантнее выразиться, – несколько хамовата. Коль у него возникал внутренний позыв нахамить, так он и хамил, невзирая на лица и чины. А посему друзей в труппе у Рудика не имелось. Были люди, относящиеся к нему неплохо, но дружить он ни с кем не дружил».

Сам Рудольф был склонен объяснять свое поведение особенностями национального характера:

«Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарин, а не русским, но я в себе ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда. И, однако, мне представляется, что мы апатичнее русских, чувствительнее; есть в нас некая азиатская мягкость и вместе с тем горячность наших предков, этих стройных и гибких наездников. Мы – странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских; вероятно, именно поэтому я обнаружил такую близость со многими героями Достоевского. Татары быстро воспламеняются, быстро вступают в бой. Они самонадеянные, но в то же самое время страстные, а временами хитрые, как лисы. Татарин – хороший комплекс звериных черт, – и это то, что есть я»¹⁵.

¹⁵ Нуреев Р. Автобиография. М.: Аграф, 2000.

Сложными оставались и отношения молодого танцовщика с некоторыми партнершами, с которыми прямолинейный Рудольф не всегда церемонился. «Я не виноват! – заявлял он, уронив одну из них во время поддержки. – Она должна была помочь мне!».

Одна из танцовщиц, Елена Чернышева, впоследствии утверждала, что труппа Кировского якобы ненавидела Нуреева за то, что «он не был классичен. На сцене казался дикарем: танцевал на высоких полупальцах, имел большую растяжку. Все это противоречило принципам ленинградской школы. Но он осознавал, что именно будет при его фигуре хорошо смотреться».

Ненавидеть своего коллегу по сцене за то, что он не так танцует, как остальные (но при этом имеет успех!)? Надо полагать, хорошие нравы царили за кулисами Кировского театра! Если, конечно, данное утверждение правдиво...

«...в театре его не любили, – более обоснованно поясняя ведущая балерина Кировского театра с 1947 по 1981 год, первая партнерша Р. Нуреева, достаточно прямая Нинель Кургапкина. – В общем-то, если с ним не работать, то любить его, по большому счету, было не за что. У нас принято уважение, граничащее с подобострастием. Это в Рудике напрочь отсутствовало. Он любил оставаться независимым, и проявлялось это часто в поступках резких, всю нашу театральную общественность шокирующих. Например, по окончании школы Рудик первый раз приходит на урок. (Известно, что балетные артисты посещают танцевальные занятия всю жизнь. – прим. авт.) Заходит в зал и становится у палки. А была такая традиция, что самый молодой берет лейку и поливает у палки и на середине. (Процедура подготовки к занятиям. – прим. авт.) Все стоят и ждут, когда он будет поливать. Рудик тоже встает, избоченясь, и стоит перед всеми, смотрит. Тогда кто-то ему говорит: «Рудик, ты самый молодой, давай, поливай». Нуреев показал всем длинную фигу, взял свои шмутки и ушел из зала. То есть он до этого унизиться не мог. Я потом спросила его, почему он не полил. «А почему я должен поливать?!» – «Ну так принято, – сказала я, – самый молодой поливает пол». – «Я, во-первых, не такой молодой, – говорит он мне, – а потом, там есть такие бездари, которые только поливать и должны!». В подобных вещах ему, конечно, сильно недоставало воспитанности.

Зато когда он работал, то становилось невозможно определить, какой у него характер, плохой или хороший. Тут уж все отдавалось работе. Другими словами, он был танцовщиком в полном смысле этого слова и понимал, что быть танцовщиком без партнерши невозможно».

В той истории с поливанием пола Рудольф в конце концов пошел на остроумный компромисс: стал поливать лишь тот участок пола в классе, на котором стоял он сам...

Балет Арама Хачатуряна «Гаянэ» послужил началом его длительной дружбы с Нинель Кургапкиной. Балерина считала, что у них с Нуреевым получился хороший дуэт, несмотря на то, что ее собственный нрав тоже покладистостью не отличался. Если на репетиции придирчивая Нинель требовала повторить сложную поддержку (на одной руке пронести партнершу через всю сцену!) десять-двадцать раз, Рудольф выполнял ее просьбу без ссылок на усталость. «Этим он выгодно отличался от многих «гениев» последующих поколений, которые считали, что они ТАНЦОВЩИКИ и зачем им, дескать, обращать внимание на балерину», – со знанием дела говорила Н. Кургапкина. Ей нравилось танцевать с Рудольфом.

Отношение в труппе Мариинского к молодому солисту явно было связано не с его манерой танцевать, а с его поведением с окружающими. Тамара Закржевская вспоминала: «Рудик и прощение – вещи несовместимые. Все признание его вины заключалось в том, что он мог лучезарно улыбнуться и посмотреть так, что сердиться на него никто не мог – конечно, это касается тех, кто к нему хорошо относился. Ведь огромное количество людей в театре терпеть его не могли. Он не раз совершал такие проступки, которые трудно было простить. Когда мы делали сборник воспоминаний о Нурееве, мне приходилось обращаться к его коллегам. Одного из них – Бориса Яковлевича Брегвадзе, солиста Кировского театра, я попросила написать о

Рудике. «Я могу, – ответил он, – только вам это не понравится». «Ну почему?» – спросила я. «Да что там я буду расписывать. Я напишу одно слово – хам».

Хочется так же привести любопытную цитату из газеты «Культура», написавшей в год 60-летия со дня рождения Рудольфа Нуреева: «Настойчиво внедряемый некоторыми российскими коллегами (и столь же настойчиво отвергаемый его зарубежными коллегами – они просто хохотали!) миф о грубости Нуреева, его неуправляемом характере, его неуживчивости, очевидно, должен был служить «полуофициальным» объяснением, почему он оказался на Западе. Этот миф продолжает свою жизнь в Петербурге и по сей день».

Слова, над которыми можно и задуматься...

В сентябре 1959 года в уфимском кинотеатре шел выпуск новостей с эпизодом из «Лауренсии». Анна Ивановна Удальцова, первый педагог Рудольфа, была очень взволнована этим и тут же написала в Ленинград его сестре Розе:

«Мне сегодня сказали, что в нашем кинотеатре «Родина» в документальном фильме показывают Рудольфа. Я, конечно, сразу же побежала в кино и увидела своего несравненного, потрясающего испанца. Я смотрела на моего дорогого мальчика, не слыша текста и не видя деталей танца. Я должна пойти еще раз посмотреть... Начала собирать альбом газетных статей о Рудольфе, ему самому будет трудно проделывать эту утомительную работу. По-моему, ему нужен секретарь. Буду наклеивать все статьи и фотографии из газет на листы бумаги, иначе пропадут. Мы должны сберечь эту неожиданно блеснувшую славу... Дело в том, что когда раньше я говорила о его таланте, люди посмеивались надо мной и намекали, что я им, наверно, увлечена. И правда, я давно им увлечена, а теперь весь мир видит то, что мне было ясно тогда. Так что дай ему Бог крепкого здоровья и крепких нервов...»

* * *

Осенью 1959 года Рудольф получил роль Альберта в «Жизели». Репетиции спектакля были доверены Юрию Григоровичу, тогда еще молодому новатору-балетмейстеру Кировского театра. Желая оживить репертуар, он решил ставить балет с новой исполнительницей главной партии Ириной Колпаковой и с новым Альбертом-Нуреевым.

Высокий и сильный Константин Сергеев так долго и эффектно исполнял в Кировском роль Альберта, что, по словам Ирины Колпаковой, молодому поколению театра трудно было представить кого-либо другого на его месте. Вызывали восхищение прежде всего его лиризм и царственное изящество. Колпакову чрезвычайно поразило нежелание Рудольфа посмотреть, как прославленный и уже немолодой премьер танцует в «Жизели» с Натальей Дудинской. На замечание очаровательной партнерши, что он мог бы поучиться у Сергеева, Рудольф дерзко ответил:

– Пойдите в ресторан, посмотрите, как официанты бегают от столика к столику. Там вы увидите массу движений.

Дело было в другом. Рудольф вовсе не собирался следовать чужому примеру, каким бы прославленным ни был исполнитель. Он покажет своего собственного Альберта – импульсивного юношу, неопытного в любви и переполненного противоречивыми чувствами. «Я первым играл Альберта глубоко влюбленным с самого начала, – вспоминал Рудольф об этой ранней роли. – Он был влюблен в любовь. Эйфория!».

Он принес художнику Кировского театра собственные эскизы костюмов и попросил сшить новые камзолы и для первого, и для второго актов. Нарисованные им туники оказались гораздо короче традиционного в то время костюма, закрывавшего живот и ягодицы, к тому же плотнее сидели и были сшиты из более легкой материи. Позднее, уже после премьеры, Нуреев устроил громкий скандал по поводу все того же костюма, отказавшись надеть перед финалом короткие штаны с буфами. Антракт все длился и длился, пока солист за кулисами отстаивал

свою точку зрения перед руководством театра, находившимся на грани инфаркта. Эти штаны режут линию ног, утверждал Рудольф. Он хотел надеть одно белое облегающее трико поверх специального балетного бандажа, чего на сцене Кировского никогда не делал ни один артист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.